

БЮЛЛЕТЕНЬ

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2
февраль
2022 г.

*Выходит
ежемесячно*

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

23 ноября 2021 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “Об утверждении арбитражных заседателей арбитражных судов субъектов Российской Федерации”.

14 декабря 2021 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора”, проект которого обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся посредством веб-конференции 23 ноября 2021 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладом по этому вопросу выступил заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председатель Судебной коллегии по уголовным делам **В.А. Давыдов**, который отметил, что центральным вопросом любого судебно-проверочного производства является наличие оснований для пересмотра. Для возобновления производства по уголовному делу такими основаниями являются новые и вновь открывшиеся обстоятельства.

Разъяснения, связанные с порядком установления этих обстоятельств, содержатся в положениях представленного для обсуждения проекта постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Уголовно-процессуальный закон вновь открывшиеся обстоятельства связывает с преступными действиями участников процесса: судьи, дознавателя, следователя, прокурора, потерпевшего, свидетеля, эксперта. Эти лица перечислены в законе. Между тем очевидно, что субъектами преступления против правосудия могут выступать и другие участники процесса, а также лица, не участвующие в данном деле.

В связи с этим в проекте постановления Пленума разъясняется, что основаниями для пересмотра судебного решения могут стать преступные действия против правосудия и иных лиц — субъектов преступления, например специалиста, давшего ложное заключение, защитника, представившего подложный документ, лиц, принудивших свидетеля к даче ложных показаний, и других, т.е. перечень этих лиц не является исчерпывающим.

В проекте постановления, с учетом сложившейся практики, сформулированы две важные для правоприменения правовые позиции: первая — вновь открывшиеся обстоятельства могут быть установлены судебными решениями о прекращении уголовного дела по иным нереабилитирующим основаниям (например, в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон, назначением меры уголовно-правового характера в виде штрафа); вторая — вновь открывшиеся обстоятельства могут быть установлены не только решением о прекращении возбужденного уголовного дела, но и постановлением следователя или дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела.

К числу новых обстоятельств, влекущих возобновление производства по уголовному делу по заключению прокурора, закон относит так называемые иные новые обстоятельства, нормативного перечня которых в законе нет. В проекте постановления Пленума приведен только один пример иных новых обстоятельств, к которым относятся установленные в ходе организованного прокурором расследования и не известные ранее суду обстоятельства, свидетельствующие о невинности осужденного либо о его виновности в совершении менее тяжкого преступления. Наряду с этими положениями проекта разъяснено судам, какие обстоятельства не являются новыми.

Проект постановления прошел все необходимые стадии подготовки и обсуждения, направлялся в суды разного уровня, замечания и предложения к проекту были получены от ведущих научных и образовательных учреждений страны. Он получил оценку на заседании рабочей группы с участием представителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Проект обсуждался членами Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, судьями Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.

Все поступившие замечания и предложения были внимательно рассмотрены, изучены и приняты во внимание при подготовке проекта постановления.

В прениях по докладу выступили заместитель председателя Свердловского областного суда **Е.С. Шумков**, полномочный представитель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Е.Б. Мизулина**, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член Научно-

консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации **А.Г. Халиулин**.

В работе Пленума приняли участие заместитель Министра юстиции Российской Федерации **В.В. Федоров**, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **И.В. Ткачев**, полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Д.В. Бессарабов**, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации **Г.В. Минх**, председатель Правления Ассоциации юристов России **В.С. Груздев**.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 37 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 23 ноября 2021 г.

Об утверждении арбитражных заседателей арбитражных судов субъектов Российской Федерации

В соответствии с пунктом 2 статьи 3 Федерального закона от 30 мая 2001 года № 70-ФЗ “Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации” (в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ) Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

Утвердить на двухлетний срок полномочий арбитражными заседателями Арбитражного суда Владимирской области:

Гагину Наталью Валерьевну,
Гребенкина Сергея Васильевича,
Увохову Наталию Александровну.

*Председатель Верховного Суда Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 43 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 14 декабря 2021 г.

О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора

В связи с возникшими у судов вопросами по применению норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора, и в целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на то, что возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств является самостоятельной стадией уголовного судопроизводства, которая по своему предназначению и содержанию выступает в качестве процессуального механизма, дополняющего иные спо-

собы обеспечения правосудности приговоров и других судебных решений и устранения судебных ошибок. Возобновление судом производства по заключению прокурора может осуществляться после вступления в законную силу судебных решений, о пересмотре которых ставится вопрос, независимо от того, были ли они предметом рассмотрения в судах апелляционной, кассационной или надзорной инстанций.

2. Предметом судебного разбирательства в порядке, предусмотренном главой 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), в случаях, когда такое разбирательство осуществляется в соответствии со статьей 417 УПК РФ по заключению прокурора, является проверка законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иных итоговых, а также отдельных промежуточных судебных решений (например, постановления суда по вопросу, связанному с ис-

полнением приговора) ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств с учетом доводов, приведенных в заключении прокурора.

3. Вновь открывшимися признаются обстоятельства, которые существовали на момент вступления приговора, определения, постановления суда в законную силу, но не были известны суду (пункт 1 части 2 статьи 413 УПК РФ).

По смыслу закона к таким обстоятельствам относятся преступные действия не только потерпевшего, свидетеля, эксперта, переводчика, дознавателя, следователя, прокурора, судьи, но и других участников производства по данному уголовному делу и лиц, не являющихся таковыми (например, преступные действия специалиста, давшего заведомо ложное заключение; защитника, представившего в качестве доказательства заведомо подложный документ; лица, принудившего свидетеля или потерпевшего к даче заведомо ложных показаний), если эти действия повлекли постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения, постановления суда.

4. Судам следует иметь в виду, что вновь открывшиеся обстоятельства могут быть установлены вступившим в законную силу приговором суда (часть 3 статьи 413 УПК РФ), а также определением или постановлением суда о прекращении уголовного дела, постановлением следователя, дознавателя или прокурора о прекращении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенным как по основаниям, указанным в части 5 статьи 413 УПК РФ, так и по иным нереабилитирующим основаниям (например, в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон, назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа).

5. Новыми обстоятельствами, влекущими возобновление производства по уголовному делу по заключению прокурора, являются не известные суду на момент вынесения судебного решения:

обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;

обстоятельства, подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления (пункт 2¹ части 4 статьи 413 УПК РФ);

иные обстоятельства (пункт 3 части 4 статьи 413 УПК РФ).

К иным новым обстоятельствам могут быть отнесены, в частности, установленные в ходе расследования, проведенного в соответствии с частью 4 статьи 415 УПК РФ, обстоятельства, не известные ранее суду, свидетельствующие о не причастности осужденного к совершению преступления или о совершении им менее тяжкого преступления.

6. Разъяснить судам, что не могут считаться новыми обстоятельствами изменения, внесен-

ные в нормативный правовой акт, указанный в диспозиции бланкетной нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), вследствие которых устраняется преступность деяния или улучшается иным образом правовое положение лица, его совершившего. В таких случаях вопрос об освобождении осужденного от наказания или о смягчении наказания на основании статьи 10 УК РФ разрешается судом в порядке исполнения приговора по правилам главы 47 УПК РФ.

7. С учетом того, что по делам о преступлениях с административной преюдицией (например, предусмотренных статьями 264¹, 314¹ УК РФ) обстоятельства, послужившие основанием для назначения лицу административного наказания, не определяют выводы суда о его виновности в совершении преступления, которая устанавливается на основе совокупности всех доказательств, проверенных и оцененных посредством уголовно-процессуальных процедур, отмена постановления о назначении осужденному административного наказания не является иным новым обстоятельством.

Также не относится к числу новых обстоятельств, влекущих пересмотр по нормам главы 49 УПК РФ приговора или иного итогового судебного решения, постановленного в особом порядке судебного разбирательства (главы 40, 40¹ УПК РФ), изменение объема обвинения и (или) юридической квалификации деяния, имевшее место по результатам рассмотрения в общем порядке уголовного дела в отношении лиц, совершивших данное преступление в соучастии.

Пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по таким уголовным делам осуществляется по правилам кассационного и надзорного производства.

8. Решение прокурора как об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, так и о возбуждении такого производства заявитель и иные заинтересованные лица вправе обжаловать в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ.

С учетом положений части 1 статьи 125 УПК РФ жалоба подлежит рассмотрению районным судом (гарнизонным военным судом) по месту нахождения прокурора, на решение которого подана жалоба.

К заинтересованным лицам, имеющим право обжаловать решение прокурора, относятся: осужденные, их защитники и законные представители, родственники осужденного после его смерти (в целях его реабилитации), потерпевшие, их законные представители и представители, иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым решением.

9. Обратить внимание судов на то, что жалоба на решение прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, принятое по мотиву отсутствия в заявлении сведений, указывающих на основания пересмотра судебных решений по уголовному делу по правилам главы 49 УПК РФ, может быть рассмотрена в порядке статьи 125 УПК РФ.

Вместе с тем, если из доводов заявителя (например, о наличии обстоятельств, которые суд не учел в качестве смягчающих наказание; о необходимости исключения отягчающих наказание обстоятельств) следует, что для их проверки уголовно-процессуальным законом установлен иной порядок, то судья выносит постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению и разъясняет заявителю его право обратиться в суд по правилам кассационного или надзорного производства.

10. Проверять по жалобе, поданной в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ, законность, обоснованность решения прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств либо о возбуждении такого производства, судья должен убедиться в том, что решение принято уполномоченным лицом. При этом необходимо учитывать, что такое решение может быть принято прокурором любого уровня независимо от уровня суда, вынесшего приговор, определение, постановление, о пересмотре которых в порядке главы 49 УПК РФ ставится вопрос.

Судам следует иметь в виду, что сведения, содержащиеся в сообщениях Комитета ООН по правам человека, мнении Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека, являются достаточными поводом и основанием для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные этими органами нарушения положений международных договоров Российской Федерации не могут быть исправлены в другом порядке, а их устранение необходимо для обеспечения правосудности вступившего в законную силу судебного решения.

При рассмотрении жалобы на отказ в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств судья также должен выяснять, проверены ли учтены ли прокурором все обстоятельства, на которые указывает в жалобе заявитель, и могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод об отсутствии оснований для возобновления производства по уголовному делу по правилам главы 49 УПК РФ.

11. Если заинтересованное лицо не согласно с решением прокурора, который после проведенной проверки вновь открывшихся обстоятельств или расследования новых обстоятельств прекратил возбужденное им производство, то такое лицо в соответствии с частью 3 статьи 416 УПК РФ вправе обжаловать решение прокурора непосредственно в суд, правомочный решать вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств согласно статье 417 УПК РФ, а не в порядке статьи 125 УПК РФ.

По жалобе, поступившей на постановление прокурора о прекращении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, судья истребует материалы прекращенного прокурором производства, а при необходимости — уголовное дело.

Лицам, подавшим жалобу, по их ходатайству судом предоставляется возможность ознакомиться с материалами, на основании которых прокурором по результатам проведенной проверки или расследования принято решение.

12. В случае если жалоба на постановление прокурора о прекращении производства, возбужденного ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, подана осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы и заявившим ходатайство об участии в рассмотрении жалобы, ему обеспечивается возможность участвовать в судебном заседании и изложить свою позицию непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи. Осужденному также должно быть разъяснено право пользоваться помощью адвоката, в том числе по назначению суда. Отказ от помощи адвоката должен быть выражен им в письменной форме.

13. В соответствии с положениями статьи 417 УПК РФ заключение прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств рассматривается судом, вынесшим судебное решение, о пересмотре которого ставится вопрос в заключении прокурора, за исключением приговора и постановления мирового судьи, подлежащих пересмотру районным судом.

По смыслу закона, если приговор, определение, постановление суда первой инстанции являлись предметом проверки в апелляционном и (или) кассационном порядке либо в порядке надзора, то заключение прокурора рассматривается судом, вынесшим последнее судебное решение. Например, если приговор районного суда был предметом проверки в апелляционном порядке в областном суде и уголовное дело судом кассационной инстанции не рассматривалось, то заключение прокурора подлежит рассмотрению судебной коллегией по уголовным делам областного суда; если уголовное дело в кассационном порядке рассматривалось в судебном заседании кассационным судом общей юрисдикции, то заключение подается прокурором в тот же суд (пункт 3 части 3 статьи 28, пункт 2 части 4 статьи 23⁶ Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ “О судах общей юрисдикции в Российской Федерации” (в редакции от 8 декабря 2020 года)).

С заключением о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в кассационный суд общей юрисдикции (кассационный военный суд) вправе обратиться прокурор субъекта Российской Федерации, приравненные к нему военные и другие специализированные прокуроры и их заместители.

14. В тех случаях, когда в заключении прокурора ставится вопрос о пересмотре судебных решений с поворотом к худшему, суду надлежит проверять соблюдение сроков, установленных в части 3 статьи 414 УПК РФ.

При этом следует учитывать, что днем начала течения годичного срока в случаях, указанных в части 3 статьи 413 УПК РФ, является день вступ-

ления в силу приговора, определения, постановления суда в отношении лица, виновного в преступных действиях, совершенных в ходе уголовного судопроизводства (пункт 1 части 4 статьи 414 УПК РФ), а в случаях, указанных в пунктах 2¹ и 3 части 4 статьи 413 УПК РФ, — день подписания прокурором заключения о необходимости возобновления производства ввиду новых обстоятельств (пункт 4 части 4 статьи 414 УПК РФ).

15. По итогам рассмотрения заключения прокурора суд принимает одно из решений, предусмотренных статьей 418 УПК РФ. Вместе с тем уголовно-процессуальным законом не исключается возможность изменения состоявшихся судебных решений при отмене приговора в определенной его части с прекращением в этой части производства по делу либо с передачей уголовного дела для производства нового судебного разбирательства или возвращением дела прокурору.

Принимая такие решения, суд назначает наказание в соответствии со статьями 69 УК РФ при наличии совокупности преступлений, в части которых приговор не отменен; назначает наказание по совокупности приговоров (если наказание назначалось по правилам статьи 70 УК РФ); исключает указание о взыскании имущественного вреда и о компенсации морального вреда, если такой вред причинен преступлением, по которому приговор отменен; назначает вид исправительного учреждения (если отмена приговора по одной из статей влечет назначение более мягкого вида исправительного учреждения), а также при наличии к тому оснований решает другие вопросы, связанные с отменой приговора.

16. Решение об отмене приговора, определения или постановления суда и о прекращении уголовного дела на основании пункта 2 статьи 418 УПК РФ может быть принято судом, в частности, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случае смерти осужденного при отсутствии возражений его родственников, не настаивающих на его реабилитации.

17. Если вступившим в законную силу приговором либо указанными в части 5 статьи 413 УПК РФ определением или постановлением суда установлены совершенные при рассмотрении данного уголовного дела преступные действия судьи, присяжного заседателя, участвовавшего в вынесении вердикта (пункт 3 части 3 статьи 413 УПК РФ), то состоявшиеся по делу судебные решения во всех случаях подлежат отмене с передачей уголовного дела для производства нового судебного разбирательства (пункт 1 статьи 418 УПК РФ).

Установленные в том же порядке преступные действия других участников процесса или иных лиц (пункты 1 и 2 части 3 статьи 413 УПК РФ) влекут отмену судебных решений при условии, что эти действия повлекли постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора либо вынесение незаконного

или необоснованного определения, постановления суда. В связи с этим в судебном решении, принятом в соответствии с пунктом 1 статьи 418 УПК РФ, следует приводить соответствующие мотивы.

18. Отменяя по заключению прокурора обвинительный приговор или иное судебное решение с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство либо с возвращением его прокурору, суд в целях охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и надлежащего проведения судебного заседания в разумные сроки обязан по ходатайству прокурора или по собственной инициативе решить вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого, находящегося в местах лишения свободы. При этом суд вправе при наличии к тому оснований избрать любую из предусмотренных статьями 98 УПК РФ меру пресечения при условии, что она обеспечит достижение указанных целей. Если судом принято решение о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или запрета определенных действий с установлением запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором это лицо проживает, то в резолютивной части определения (постановления) указываются конкретный разумный срок действия меры пресечения в пределах, установленных статьями 105¹, 109 и 255 УПК РФ, и дата его окончания, а в описательно-мотивировочной части — мотивы принятого решения.

19. Определение, постановление суда, принятые по заключению прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в соответствии со статьями 418 УПК РФ, вступают в законную силу с момента их вынесения и могут быть обжалованы сторонами по правилам главы 47¹ УПК РФ при наличии оснований, предусмотренных статьями 401⁶, 401¹⁵ УПК РФ.

20. Судам следует иметь в виду, что усиление наказания или применение закона о более тяжком преступлении при новом рассмотрении дела судом первой инстанции либо применение закона о более тяжком преступлении при новом расследовании уголовного дела, а равно иное ухудшение положения лица, в отношении которого ведется производство по делу, допускаются только при условии, если первоначальные приговор, определение, постановление были отменены по изложенным в заключении прокурора основаниям, свидетельствующим о виновности оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям, либо о виновности осужденного в совершении более тяжкого преступления.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Права кредитора по отношению к должнику переходят к исполнившему обязательство поручителю в порядке суброгации, а не регресса, что не влияет на течение срока исковой давности по отношению к должнику

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 16 февраля 2021 г. № 15-КГ20-3-К1*

(Извлечение)

В. обратился в суд с иском к К. о взыскании выплаченных им как поручителем по договору займа денежных средств.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением и определением суда кассационной инстанции, исковые требования удовлетворены частично.

Как установлено судом, 9 сентября 2013 г. между КПК “Доверие” (заимодавец) и К. (заемщик) заключен договор займа.

По условиям договора заемщик принял на себя обязательство возвратить займ в срок не позднее 9 сентября 2016 г. и ежемесячно (не реже одного раза в месяц) выплачивать сумму основного долга и проценты за пользование займом исходя из ставки 34% годовых согласно графику платежей, являющемуся неотъемлемой частью договора займа.

В графике платежей стороны согласовали даты предстоящих платежей, а также подлежащие выплате суммы.

9 сентября 2013 г. между КПК “Доверие”, Д. и В. в обеспечение вышеуказанного договора займа заключены договоры поручительства.

Вступившим в законную силу решением районного суда от 22 сентября 2016 г. с К., Д. и В. в пользу КПК “Доверие” в солидарном порядке взыскана задолженность в размере 574 818 руб. по состоянию на 11 июля 2016 г.

Согласно квитанциям к приходным кассовым ордерам за период с 12 ноября 2013 г. по 3 февраля 2016 г. В. как поручителем по договору займа уплачено 697 388 руб.

Также в рамках исполнительного производства истцом в период с 3 апреля 2018 г. по 6 мая 2019 г. произведена выплата по договору займа в размере 142 220 руб.

Суд первой инстанции, установив факт выплаты В. денежных средств в размере 839 608 руб. по договору займа, пришел к выводу о наличии оснований для взыскания с К. данной суммы в порядке регресса.

Суд также указал, что оснований для применения срока исковой давности по требованиям о взыскании денежных сумм за период с 2013 по

2016 годы не имеется, поскольку право В. на предъявление требований к ответчику возникло с момента последнего платежа, произведенного В. в мае 2019 г.

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 16 февраля 2021 г. в связи с существенными нарушениями судами норм права отменила апелляционное определение и определение суда кассационной инстанции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии со ст. 361 ГК РФ по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части.

В силу пп. 1 и 2 ст. 363 данного Кодекса при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если законом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя.

Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства.

Согласно п. 1 ст. 365 Кодекса к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора. Поручитель также вправе требовать от должника уплаты процентов на сумму, выплаченную кредитору, и возмещения иных убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника.

Подпунктом 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ предусмотрено, что права кредитора по обязательству переходят к другому лицу на основании закона вследствие исполнения обязательства должника его поручителем.

Из приведенных норм материального закона следует, что исполнение, произведенное поручителем, влечет за собой переход к нему всех прав, принадлежавших кредитору, по отношению к должнику.

Согласно п. 1 ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет 3 года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 данного Кодекса.

В соответствии с пп. 1 и 3 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо уз-

нало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

По регрессным обязательствам течение срока исковой давности начинается с момента исполнения основного обязательства.

Между тем, как разъяснено в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 “О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве”, к исполнившему обязательство поручителю в соответствующей части переходят принадлежащие кредитору права, в том числе право требовать уплаты договорных процентов, например процентов за пользование займом, неустойки за нарушение денежного обязательства по день уплаты денежных средств должником, а если такая неустойка не предусмотрена законом или договором, то процентов на основании ст. 395 ГК РФ (первое предложение п. 1 ст. 365, п. 1 ст. 384, п. 4 ст. 395 ГК РФ).

Вместо суммы, определенной в указанном выше порядке, поручитель вправе потребовать от должника сумму фактически уплаченного кредитору, а также проценты на основании ст. 395 ГК РФ, начисленные на эту сумму (второе предложение п. 1 ст. 365 ГК РФ).

Как в первом, так и во втором случае переход прав кредитора к поручителю, исполнившему обязательство перед кредитором, не влияет на течение срока исковой давности по требованиям к должнику (ст. 201 ГК РФ).

Таким образом, права кредитора по отношению к должнику переходят к исполнившему обязательство поручителю в порядке суброгации, а не регресса, что не влияет на течение срока исковой давности по отношению к должнику.

В п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности” разъяснено, что по смыслу п. 1 ст. 200 ГК РФ срок давности по искам о просроченных повременных платежах (проценты за пользование заемными средствами, арендная плата и т.п.) исчисляется отдельно по каждому просроченному платежу.

Как установлено судом, ответчиком заявлено о применении исковой давности к требованиям о платежах за период с 12 ноября 2013 г. по 3 февраля 2016 г., в остальной части исковые требования ответчиком признаны.

Исковое заявление подано истцом в суд 19 августа 2019 г.

В нарушение приведенных выше норм материального права судебные инстанции исковую давность не применили, ошибочно сославшись на положения п. 3 ст. 200 ГК РФ, в то время как подлежали применению положения ст. 201 данного Кодекса, согласно которой перемена лиц в обязательстве не влечет изменения срока исковой давности и порядка его исчисления.

В то же время суды не учли, что в силу п. 1 ст. 204 ГК РФ срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за

защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права.

2. При отсутствии необходимости оказания нотариусом услуг правового и технического характера исходя из существа нотариального действия, его требование об оплате данных услуг лицом, обратившимся к нотариусу за совершением нотариального действия, и последующий отказ в совершении нотариальных действий являются неправомерными

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 марта 2021 г. № 14-КГ20-24-К1

(Извлечение)

С. обратился в суд с заявлением о признании незаконным отказа в совершении нотариального действия, указав в обоснование своих требований следующее. 20 сентября 2019 г. он обратился к нотариусу за свидетельствованием подлинности его подписи на заявлении формы № Р14001.

Постановлением нотариуса от 24 сентября 2019 г. в совершении нотариального действия истцу отказано в связи с неоплатой им услуг правового и технического характера.

Нотариус возражала против удовлетворения требований С., ссылаясь на то, что действующим законодательством предусмотрено взимание нотариусами платы за оказание услуг правового и технического характера, без которых невозможно совершение нотариального действия.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об удовлетворении заявления С.

Определением кассационного суда общей юрисдикции апелляционное определение отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Разрешая спор, суд первой инстанции с учетом установленных по делу обстоятельств, а также положений законодательства Российской Федерации о нотариате пришел к выводу о законности отказа нотариуса в удостоверении подлинности подписи С.

Суд апелляционной инстанции, не соглашаясь с данным выводом, исходил из того, что правовых оснований для отказа нотариуса в свидетельствовании подлинности подписи С. не имелось, поскольку правовая экспертиза документов, проводимая нотариусом при совершении таких действий, как свидетельствование верности копий документов и подлинности подписи на документе, составляет сама по себе существо данных нотариальных действий и как таковая дополнительной услугой правового и технического характера не является.

Оставляя в силе решение суда первой инстанции, кассационный суд общей юрисдикции

указал на то, что взимание с лиц, обратившихся к нотариусу, занимающемуся частной практикой, платы за услуги правового и технического характера по смыслу положений Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных постановлением Верховного Совета РФ от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее также — Основы), призвано обеспечить нотариусам, занимающимся частной практикой, чья деятельность базируется на самофинансировании, материальную возможность выполнения возложенных на них публично-правовых функций в полном объеме и гарантировать тем самым защиту прав и законных интересов лиц, обращающихся к нотариусам за совершением нотариальных действий. Исходя из изложенного, суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что совершение нотариального действия без оплаты заявителем услуг правового и технического характера противоречит нормам действующего законодательства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 16 марта 2021 г. отменила кассационное определение суда общей юрисдикции с оставлением в силе апелляционного определения, указав следующее.

В соответствии со ст. 22 Основ за совершение нотариальных действий, для которых законодательством Российской Федерации предусмотрена обязательная нотариальная форма, нотариус, работающий в государственной нотариальной конторе, должностные лица, указанные в ч. 4 ст. 1 указанных Основ, взимают государственную пошлину по ставкам, установленным законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. За совершение действий, указанных в ч. 1 указанной статьи, нотариус, занимающийся частной практикой, взимает нотариальный тариф в размере, соответствующем размеру государственной пошлины, предусмотренной за совершение аналогичных действий в государственной нотариальной конторе и с учетом особенностей, установленных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. За совершение действий, для которых законодательством Российской Федерации не предусмотрена обязательная нотариальная форма, нотариус, работающий в государственной нотариальной конторе, а также нотариус, занимающийся частной практикой, должностные лица, указанные в ч. 4 ст. 1 Основ, взимают нотариальные тарифы в размере, установленном в соответствии с требованиями ст. 22.1 Основ.

Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 338-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, вступившим в действие 4 августа 2018 г., в ст. 22 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате внесены изменения.

Так, в частности, ст. 22 Основ дополнена ч. 6, согласно которой нотариусу, занимающемуся частной практикой, в связи с совершением нотариального действия оплачиваются услуги правового и технического характера, вклю-

чающие в себя правовой анализ представленных документов, проектов документов, полученной информации, консультирование по вопросам применения норм законодательства, осуществление обязанностей и полномочий, предусмотренных законодательством, в связи с совершением нотариального действия, изготовление документов, копий, скан-образов документов, отображений на бумажном носителе образов электронных документов и информации, полученной в том числе в электронной форме, техническое обеспечение хранения документов или депонированного имущества, в том числе денежных сумм, иные услуги правового и технического характера.

Частью 7 ст. 22 Основ в редакции указанного выше Закона предусмотрено, что размер оплаты нотариального действия, совершенного нотариусом, занимающимся частной практикой, определяется как общая сумма нотариального тарифа, исчисленного по правилам этой статьи, и стоимости услуг правового и технического характера, определяемой с учетом предельных размеров, установленных в соответствии со ст.ст. 25 и 30 Основ.

Из смысла данного положения Основ следует, что оплата оказываемых нотариальных услуг правового и технического характера является обязательным платежом, размеры которого определяются нотариальной палатой субъекта Российской Федерации, и отказ лица, обратившегося к нотариусу за совершением нотариального действия, от оплаты таких услуг влечет невозможность его совершения.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, совершение отдельных нотариальных действий не всегда требует от нотариуса дополнительных усилий по правовому анализу представленных документов, консультированию по вопросам применения норм законодательства, изготовлению документов и оказанию иных услуг правового и технического характера. Соответственно, нотариус при разъяснении во исполнение требования ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате лицу, обратившемуся за совершением нотариального действия, его прав и обязанностей должен пояснить особенности нотариального действия, которые могут повлечь необходимость оказания нотариусом услуг правового и технического характера, объявить размер платы за данное действие, в том числе сумму нотариального тарифа и стоимость услуг правового и технического характера (при необходимости их оказания), исчисленную согласно правилам, установленным нотариальными палатами, а также предоставить информацию о существующих льготах при обращении за нотариальными действиями.

Заинтересованное лицо, в свою очередь, вправе не согласиться с необходимостью оплаты нотариусу стоимости услуг правового и технического характера исходя из существа конкретного нотариального действия. Отказ нота-

риуса в совершении нотариального действия в таких случаях может быть обжалован в суд. При рассмотрении подобных дел суды не вправе ограничиваться формальной ссылкой на подлежащие применению нормативные положения, а обязаны выяснять в каждом конкретном случае необходимость оказания нотариусом услуг правового и технического характера исходя из существа нотариального действия, за совершением которого заинтересованное лицо обратилось к нотариусу, влекущую для этого лица необходимость уплатить нотариусу стоимость услуг в объявленном размере (Определения Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2020 г. № 815-О, № 816-О и № 817-О, от 28 мая 2020 г. № 1245-О).

Следовательно, в случае оказания нотариусом при совершении нотариального действия услуг правового и технического характера оплата таких услуг является обязательной, и отказ лица, обратившегося к нотариусу за совершением нотариального действия, от оплаты данных услуг влечет невозможность нотариального действия и, соответственно, отказ в его совершении.

В иных случаях, когда какие-либо услуги правового и технического характера нотариусом не оказываются и необходимость осуществления подобных действий отсутствует, требование об оплате данных услуг и последующий отказ в совершении нотариальных действий являются неправомерными.

В рассматриваемом споре заполненная истцом форма № Р14001, утвержденная приказом ФНС России от 25 января 2012 г. № ММВ-7-6/25@ “Об утверждении форм и требований к оформлению документов, предоставляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств”, действовавшим на момент совершения нотариальных действий, была представлена истцом нотариусу для свидетельствования подлинности его подписи.

В силу п. 5 ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариусы, занимающиеся частной практикой, совершают в том числе свидетельствование подлинности подписи на документах.

Согласно ч. 1 ст. 80 Основ, свидетельствуя подлинность подписи, нотариус удостоверяет, что подпись на документе сделана определенным лицом, но не удостоверяет фактов, изложенных в документе.

Таким образом, суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о том, что в данном случае необходимость получения истцом каких-либо услуг правового и технического характера в связи с совершением нотариального действия по удостоверению подлинности его подписи в указанной форме отсутствовала, что не было учтено судебной коллегией по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Трехлетний срок для обращения в пенсионный фонд о возврате излишне уплаченных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование исчисляется с даты представления расчета по страховым взносам за соответствующий налоговый (расчетный) период, но не позднее срока, установленного для его представления в налоговый орган

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 12 мая 2021 г. № 309-ЭС20-22198*

(Извлечение)

19 января 2017 г. общество представило расчет по страховым взносам по форме РСВ-1 ПФР за 2016 год, а 18 сентября 2019 г. — корректирующий расчет по страховым взносам по форме РСВ-1 ПФР за 2016 год с учетом пониженных тарифов страховых взносов. 24 сентября 2019 г. общество обратилось в пенсионный фонд с заявлением о возврате излишне уплаченных страховых взносов.

Пенсионный фонд отказал обществу в возврате данных взносов, поскольку камеральная проверка по предоставленному корректирующему расчету страховых взносов по форме РСВ-1 ПФР за 2016 год не была завершена на момент подачи рассматриваемого заявления 24 сентября 2019 г., спорные суммы не могли относиться к излишне уплаченным.

23 октября 2019 г. общество вновь обратилось с заявлением о возврате излишне уплаченных сумм страховых взносов на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование.

Пенсионным фондом принято решение о возврате заявленной суммы частично. В возврате оставшейся суммы страховых взносов обществу отказано в связи с истечением трехлетнего срока со дня уплаты указанной суммы.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к пенсионному фонду об обязанности осуществить возврат излишне уплаченных страховых взносов за 2016 год.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды пришли к выводу, что в части излишне уплаченных страховых взносов за 2016 год переплата возникла 7 октября 2016 г. и ранее, следовательно, о факте излишней уплаты налогоплательщик должен был узнать 7 октября 2016 г. Поскольку с заявлением о возврате излишне уплаченных сумм страховых взносов общество обратилось в пенсионный фонд 23 октября 2019 г., т.е. с пропуском предусмотренного п. 7 ст. 78 НК РФ срока возврата соответствующих взносов, оснований для возврата не имелось.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 12 мая 2021 г. отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования, обратив внимание на следующее.

В ч. 13 ст. 26 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ “О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования” (действовал в 2016 году) предусмотрено, что заявление о зачете или возврате суммы излишне уплаченных страховых взносов может быть подано в течение 3 лет со дня уплаты указанной суммы.

Аналогичная норма содержится в п. 7 ст. 78 НК РФ, согласно которому заявление о зачете или о возврате суммы излишне уплаченного налога может быть подано в течение 3 лет со дня уплаты указанной суммы, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

В силу чч. 1 и 4 ст. 21 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 250-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование” решение о возврате сумм излишне уплаченных (взысканных) страховых взносов, пеней и штрафов за отчетные (расчетные) периоды, истекшие до 1 января 2017 г., принимается соответствующими органами Пенсионного фонда РФ, ФСС России в течение 10 рабочих дней со дня получения письменного заявления (заявления, представленного в электронной форме с усиленной квалифицированной электронной подписью по телекоммуникационным каналам связи) страхователя о возврате излишне уплаченных (взысканных) сумм страховых взносов, пеней и штрафов. На следующий день после принятия решения о возврате сумм излишне уплаченных (взысканных) страховых взносов, пеней и штрафов орган Пенсионного фонда РФ, орган ФСС России направляют его в соответствующий налоговый орган.

Применительно к ч. 6 ст. 27 Федерального закона “О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования” исковое заявление в суд может быть подано в течение трех лет со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о факте излишней уплаты страховых взносов.

Юридические основания для возврата переплаты по итогам финансово-хозяйственной деятельности наступают с даты представления налоговой декларации (расчета) за соответствующий налоговый (расчетный) период, но не позднее срока, установленного для ее представления в налоговый орган.

В силу чч. 1, 2 ст. 10, п. 1 ч. 9 ст. 15 названного Закона срок представления расчета по страховым взносам по форме РСВ-1 ПФР за 2016 год насту-

пает не позднее 15 февраля 2017 г. Фактически общество представило расчет по форме РСВ-1 ПФР за 2016 год 19 января 2017 г., вследствие чего именно в эту дату общество должно было узнать о факте излишней уплаты страховых взносов за 2016 год. Сам по себе факт наличия переплаты за 2016 год пенсионный фонд и налоговый орган не оспаривали.

Общество обращалось в пенсионный фонд с заявлением о возврате излишне уплаченных страховых взносов 24 сентября и 23 октября 2019 г., а в суд общество обратилось 27 ноября 2019 г. Соответственно, трехлетний срок обществом соблюден.

В связи с этим отказ обществу в возврате страховых взносов за 2016 год являлся незаконным.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Пункт 2 приказа Росгвардии от 2 апреля 2018 г. № 112 “Об утверждении требований к состоянию здоровья граждан, поступающих на военную службу (службу), военнослужащих и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, а также Перечня дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования граждан, поступающих на военную службу по контракту в войска национальной гвардии Российской Федерации, военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации, граждан, поступающих на службу в войска национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции”, а также оспариваемые частично п. 2 раздела I, таблицы раздела II, абз. 8 пояснений к статье 21 расписания болезней сотрудников п. 16 раздела II Требований к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в войска национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 22 апреля 2021 г. № АКПИ21-101,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 29 июля 2021 г. № АПЛ21-248*

2. Подпункт “б” п. 16 Правил оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденных постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1085, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 апреля 2021 г. № АКПИ21-134,
вступившее в законную силу*

3. Подпункт “б” п. 31, подп. “а” п. 31¹ Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 апреля 2021 г. № АКПИ21-108,
вступившее в законную силу*

4. Оспариваемый частично п. 4.4 санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 “Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”, утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 1 апреля 2021 г. № АКПИ21-78,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 28 июня 2021 г. № АПЛ21-202*

5. Пункты 93, 148⁴⁴ Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 апреля 2021 г. № АКПИ21-129,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 17 августа 2021 г. № АПЛ21-289*

6. Пункт 1 постановления Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040, абз. 6 п. 2, пп. 3, 4, подп. “з” п. 5 Положения о проведении на территории отдельных субъектов Российской Федерации эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды, утвержденного постановлением Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 28 апреля 2021 г. № АКПИ21-32,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 12 августа 2021 г. № АПЛ21-269*

7. Оспариваемый частично абз. 2 п. 2.2 и подп. “б” п. 9.1 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденного приказом ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 апреля 2021 г. № АКПИ21-119,
вступившее в законную силу*

8. Оспариваемый частично приказ ФТС России от 1 декабря 2008 г. № 1504 “Об утверждении Положения о порядке заключения контракта о службе в таможенных органах Российской Федерации и типовой формы контракта о службе в таможенных органах Российской Федерации” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 22 апреля 2021 г. № АКПИ21-132,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 12 августа 2021 г. № АПЛ21-267*

9. Пункт 6 приложения № 3 к особенностям возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства, утвержденным постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730, и сноска 7 к указанному пункту указанного приложения признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 апреля 2021 г. № АКПИ21-31,
вступившее в законную силу*

10. Абзацы 3 (в части) и 4 п. 24 Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на возобновление деятельности, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16 мая 2020 г. № 696, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 июля 2021 г. № АКПИ21-376,
вступившее в законную силу*

11. Пункт 13 изменений, которые вносятся в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств — участников соглашений о Таможенном союзе, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2020 г. № 2364, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 19 мая 2021 г. № АКПИ21-219,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 17 августа 2021 г. № АПЛ21-283*

12. Оспариваемый частично п. 8 обязательных реквизитов и порядка заполнения путевых листов, утвержденных приказом Минтранса России от 11 сентября 2020 г. № 368, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 29 апреля 2021 г. № АКПИ21-224,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 3 августа 2021 г. № АПЛ21-250*

13. Оспариваемый частично подп. “а” п. 3 приложения к Правилам выплаты публично-правовой компанией “Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства” возмещения гражданам — участникам строительства, имеющим требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений, утвержденным постановлением Правительства РФ от 7 октября 2017 г. № 1233, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 5 мая 2021 г. № АКПИ21-60,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 3 августа 2021 г. № АПЛ21-260*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, решается судом только по итогам рассмотрения уголовного дела по существу

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 9 марта 2021 г. № 44-УДП21-3-К7*

(Извлечение)

Постановлением Индустриального районного суда г. Перми от 4 марта 2020 г. уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. “а”, “з”, “н” ст. 102 УК РСФСР, прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

В апелляционном порядке постановление суда не обжаловалось.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 ноября 2020 г. указанное постановление суда оставлено без изменения.

Заместитель Генерального прокурора РФ в кассационном представлении поставил вопрос об отмене судебных решений и о направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение. В представлении указывалось, что суд допустил фундаментальное нарушение закона, которое повлекло необоснованное освобождение К. от уголовной ответственности за совершение особо тяжкого преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 9 марта 2021 г. отменила постановление суда по результатам предварительного слушания и кассационное определение, уголовное дело передала на новое рассмотрение со стадии предварительного слушания в тот же суд иным составом суда по следующим основаниям.

К. обвинялся в том, что 12 марта 1996 г. он совместно с В. и Г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, действуя группой лиц по предварительному сговору, в целях хищения имуще-

ства напал на Е. и его престарелую мать А. Завладев деньгами и ювелирными изделиями, нападавшие убили Е., а затем К. причинил смерть престарелой А.

Действия К. квалифицированы органами предварительного следствия по пп. “а”, “з”, “н” ст. 102 УК РСФСР.

По ходатайству К. об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности судом принято решение о прекращении уголовного преследования на основании ч. 4 ст. 48 УК РСФСР.

Указанное ходатайство было удовлетворено с нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку суд принял соответствующее решение по итогам предварительного слушания без исследования по делу доказательств и всех имеющих существенное значение обстоятельств.

Принимая решения в пределах своей компетенции, суды первой и кассационной инстанций исходили из того, что прекращение уголовного преследования по итогам предварительного слушания не противоречит закону.

По смыслу закона по результатам предварительного слушания судья может вынести постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования в случаях, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 239 УПК РФ, если обвиняемый против этого не возражает (ч. 2 ст. 27 УПК РФ).

Между тем такой процессуальный порядок прекращения уголовного преследования в процедуре предварительного слушания, который действительно допускается при наличии очевидных и не требующих судебной оценки обстоятельств в силу их прямого указания в законе, не применим в рассматриваемом случае.

Санкция ст. 102 УК РСФСР, по которой квалифицированы действия К., предусматривает в качестве вида наказания смертную казнь.

Исходя из положений ч. 4 ст. 48 УК РСФСР, действовавшей в период совершения преступления, и ч. 4 ст. 78 УК РФ, действующей в настоящее время, вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, решается судом лишь по итогам рассмотрения уголовного дела по существу с учетом не только факта истечения срока давности уголовного преследования, но и всех обстоятельств дела, данных о личности обвиняемого, о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, свидетельствующих в совокупности о том, что на момент принятия судом решения отсутствует общественная опасность деяния и лица, совершившего особо тяжкое преступление против жизни.

Таким образом, рассмотрев вопрос о прекращении уголовного преследования за преступление, наказуемое смертной казнью, на предварительном слушании, суд допустил существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Поскольку суд не вправе был принимать оспариваемое решение на предварительном слушании, вопрос о том, насколько полно мотивирова-

но вынесенное по его итогам постановление и в какой степени оно отвечает требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, самостоятельного значения не имеет.

В кассационном представлении правильно обращено внимание на существенное нарушение уголовного закона, поскольку суд допустил ошибку в определении категории инкриминируемого деяния. С учетом положений ст.ст. 23 и 24 УК РСФСР преступление, предусмотренное ст. 102 УК РСФСР, является особо тяжким, а не тяжким, как ошибочно указал суд первой инстанции.

Кроме того, в своих выводах по оценке личности К. как одного из обстоятельств, дающих основание для прекращения уголовного преследования, суд исходил из отсутствия у него судимости до истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности.

При этом суд оставил без внимания, что правовое значение имеет наличие или отсутствие судимости не только на момент истечения указанных сроков давности, но и, как правильно обращено внимание в представлении, на момент принятия судом решения о прекращении уголовного преследования, что необходимо для оценки общественной опасности лица, совершившего особо тяжкое преступление, и возможности освобождения его от уголовной ответственности. Как следует из материалов дела, на момент разрешения вопроса о применении давности в соответствии с ч. 4 ст. 48 УК РСФСР судимость обвиняемого за особо тяжкое преступление по приговору от 25 марта 2011 г. погашена не была, что не учтено судом при принятии решения.

Совокупность указанных существенных нарушений как уголовного, так и уголовно-процессуального закона признана искажающей суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Статья 159 УК РФ не предполагает возложения уголовной ответственности за необоснованное обращение гражданина в налоговый орган для получения имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, в случае когда налоговым органом подтверждено, а в дальнейшем опровергнуто у него право на такой вычет, если гражданин представил в налоговый орган документы, достаточные для отказа в предоставлении соответствующего налогового вычета, и не совершил каких-либо других действий (бездействий), специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в его пользу

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2020 г. № 7-ПК20

(Извлечение)

По приговору Выборгского гарнизонного военного суда от 25 июля 2018 г., оставленному без изменения апелляционным определением су-

дебной коллегии по уголовным делам Ленинградского окружного суда от 18 сентября 2018 г., Л. осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ к штрафу в размере 100 000 руб.

Л. признан виновным в совершении мошенничества в крупном размере, т.е. хищения чужого имущества путем обмана — денежных средств из федерального бюджета в размере 258 908 руб. в виде налогового вычета.

10 июня 2013 г. и 12 февраля 2014 г. Л., действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью хищения чужого имущества путем обмана, желая незаконно обогатиться за счет средств федерального бюджета, заведомо зная, что не имеет права на получение за счет средств федерального бюджета имущественного налогового вычета в связи с приобретением квартиры, скрывая (умалчивая) этот факт, предъявил в инспекцию ФНС России по Всеволожскому району Ленинградской области декларации по налогу на доходы физических лиц (форма 3-НДФЛ) за 2011, 2012, 2013 годы о предоставлении имущественного налогового вычета, соответственно, в размере 57 095 руб., 91 566 руб., 110 247 руб., указав в соответствующем разделе этих деклараций недостоверные сведения о том, что он фактически затратил на приобретение жилого помещения 2 000 000 руб., и подтвердив достоверность этих сведений своей подписью. Должностные лица инспекции ФНС России по Всеволожскому району Ленинградской области, будучи введенными в заблуждение относительно фактически произведенных Л. расходов на приобретение указанной квартиры, приняли решение о предоставлении ему налогового вычета на общую сумму 258 908 руб., которые 25 сентября 2013 г. и 10 апреля 2014 г. поступили на банковский счет на имя Л. в порядке возврата уплаченного им налога на доходы физических лиц за налоговый период 2011—2013 гг. Полученными денежными средствами в размере 258 908 руб. Л. распорядился по собственному усмотрению.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского окружного военного суда от 18 сентября 2018 г. приговор в отношении Л. оставлен без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении Л. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 22 июля 2020 г. № 38-П по делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 159 УК РФ в связи с жалобой гражданина Л.

Президиум Верховного Суда РФ 18 ноября 2020 г. удовлетворил представление, указав следующее.

Конституционный Суд РФ в названном Постановлении признал ч. 3 ст. 159 УК РФ не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает возложения уголовной ответственности за необос-

нованное обращение налогоплательщика в налоговый орган с целью реализации права на получение имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, в случае когда налоговым органом подтверждено, а в дальнейшем опровергнуто у него право на такой вычет, если налогоплательщик представил в налоговый орган предусмотренные законодательством документы, не содержащие признаков подделки или подлога, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа для отказа в предоставлении соответствующего налогового вычета, и не совершил каких-либо других действий (бездействия), специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в пользу налогоплательщика.

Конституционный Суд РФ указал также, что конституционно-правовой смысл ч. 3 ст. 159 УК РФ, выявленный в Постановлении применительно к уголовной ответственности за деяния, сопряженные с обращением в налоговый орган для получения имущественного налогового вычета в связи с приобретением жилого помещения, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике. Правоприменительные решения по делу гражданина Л., основанные на ч. 3 ст. 159 УК РФ в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Таким образом, вышеуказанное Постановление Конституционного Суда РФ, которым в результате выявления конституционно-правового смысла положений ч. 3 ст. 159 УК РФ исключается любое иное, т.е. неконституционное, их истолкование, а следовательно, и их применение в неконституционной интерпретации, имеет те же последствия, что и постановление, которым правовая норма признается не соответствующей Конституции Российской Федерации, и является основанием для возобновления производства по данному уголовному делу ввиду новых обстоятельств согласно п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ.

Согласно ч. 5 ст. 415 УПК РФ Президиум Верховного Суда РФ по результатам рассмотрения представления Председателя Верховного Суда РФ отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ.

Поскольку выявленный Конституционным Судом РФ конституционно-правовой смысл ч. 3 ст. 159 УК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и отменил приговор от 25 июля 2018 г. и апелляционное определение от 18 сентября 2018 г. в отношении Л.

Уголовное дело передано в Выборгский гарнизонный военный суд для производства нового судебного разбирательства в ином составе суда¹.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

- 1. В случае добровольной сдачи наркотических средств и выполнении активных действий, которые способствовали раскрытию преступления, связанного с их незаконным оборотом, лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, на основании п. 1 примечаний к этой статье**

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Седьмого кассационного суда общей юрисдикции
от 29 октября 2020 г.*

(Извлечение)

По приговору Березовского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 13 октября 2016 г., оставленному судом апелляционной инстанции в части квалификации деяния без изменения, М. осужден по п. “б” ч. 3 ст. 228¹ и ч. 2 ст. 228 УК РФ.

М. признан виновным в незаконном приобретении и хранении без цели сбыта наркотических

средств массой 17,938 г и 12,472 г в крупном размере, а также в незаконном сбыте наркотического средства массой 0,257 г в значительном размере.

Осужденный в кассационной жалобе просил изменить состоявшиеся судебные решения, в том числе в части его осуждения по ч. 2 ст. 228 УК РФ, в связи с тем, что он добровольно выдал сотрудникам полиции наркотические средства, указав их местонахождение.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 3 сентября 2020 г. кассационная жалоба вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании Седьмого кассационного суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции 29 октября 2020 г. жалобу осужденного удовлетворила частично по следующим основаниям.

¹Постановлением Выборгского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2021 г. в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, предъявленного Л. по ч. 3 ст. 159 УК РФ, уголовное дело в отношении Л. прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

М. незаконно приобрел и хранил в помещениях противотуберкулезного диспансера (далее — диспансер) наркотические средства массой 1,644 г (4 пакета) и массой 16,294 г (39 пакетов), а также наркотическое средство, входящее в состав смеси, общей массой 12,472 г (1 пакет).

Как усматривалось из материалов дела, осмотр в диспансере проведен в целях проверки имеющейся информации об употреблении наркотических средств находившимися там лицами. В ходе осмотра обнаружены 4 пакета с веществом белого цвета.

На этом основании было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 228 УК РФ, и в тот же день оформлено заявление М. о явке с повинной; позже он был задержан по подозрению в совершении указанного преступления.

Информацией о том, что в диспансере хранились иные наркотические средства, сотрудники полиции не располагали. Об этом стало известно со слов М., который показал места их хранения, несмотря на имевшуюся у него возможность распорядиться по своему усмотрению спрятанными наркотическими средствами массой 12,472 г (1 пакет) и массой 16,294 г (39 пакетов).

Согласно п. 1 примечаний к ст. 228 УК РФ и разъяснениям, содержащимся в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами” (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 и от 30 июня 2015 г. № 30), освобождение лица от уголовной ответственности за совершение предусмотренного ст. 228 УК РФ преступления возможно при наличии совокупности двух условий: добровольной сдачи лицом наркотических средств и его активных действий, которые способствовали раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем.

По данному делу установлена совокупность приведенных выше условий — М. сообщил о наличии наркотических средств в других помещениях, способствовал раскрытию преступления, указав, когда, где и при каких обстоятельствах приобрел наркотические средства, признал вину в приобретении и хранении наркотических средств, написал заявление о явке с повинной.

При таких обстоятельствах судебная коллегия по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции изменила приговор и апелляционное определение в отношении М.: исключила в части осуждения по ч. 2 ст. 228 УК РФ указание на незаконное приобретение и хранение наркотических средств массой 12,472 г и массой 16,294 г, а также смягчила наказание, назначенное по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

2. В соответствии с ч. 6¹ ст. 389¹³ УПК РФ доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства), принимаются судом апелляционной инстанции, если стороной заявлено ходатайство об их исследовании и обоснована невозможность их представления в суд первой инстанции по не зависящим от нее причинам и суд признает эти причины уважительными

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Пятого кассационного суда общей юрисдикции
от 29 сентября 2020 г.*

(Извлечение)

По приговору Малгобекского городского суда Республики Ингушетия от 28 декабря 2017 г. Д. осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ к одному году лишения свободы в колонии-поселении.

По этому же приговору осужден Б.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Ингушетия 22 февраля 2018 г. приговор отменен, постановлен новый приговор, по которому Д. осужден по ч. 3 ст. 30, п. “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ к восьми годам шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 30 января 2020 г. кассационная жалоба защитника вместе с уголовным делом передана для рассмотрения в судебном заседании Пятого кассационного суда общей юрисдикции.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2020 г. апелляционный приговор от 22 февраля 2018 г. в отношении Д. отменен, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение.

Судом апелляционной инстанции 2 июня 2020 г. приговор отменен, постановлен новый апелляционный приговор, по которому Д. осужден по ч. 3 ст. 30, п. “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ к девяти годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Д. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в значительном размере.

В кассационной жалобе адвокат, выступавший в защиту интересов Д., просил об отмене приговора. Защитник обращал внимание на то, что суд апелляционной инстанции в нарушение требований уголовно-процессуального закона сослался в своем решении на доказательства, которые ранее не были исследованы в судебном заседании.

Судебная коллегия по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции 29 сентября 2020 г. отменила приговор от 2 июня 2020 г. и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Основанием для отмены приговора от 22 февраля 2018 г. явилось существенное нарушение уголовно-процессуального закона, выразившее-

ся в использовании в качестве доказательств документов, не исследованных в судебном заседании. Суд кассационной инстанции указал на необходимость устранить допущенные нарушения и проверить доводы, приведенные адвокатом в жалобе.

При новом апелляционном рассмотрении уголовного дела доводы кассационной жалобы адвоката в приговоре не приведены, оценка им не дана.

В соответствии с ч. 6¹ ст. 389¹³ УПК РФ доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства), принимаются судом апелляционной инстанции, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными.

Как усматривалось из протокола судебного заседания, судом апелляционной инстанции по собственной инициативе, при отсутствии ходатайства сторон исследованы в качестве доказательств документы, не изучавшиеся судом первой инстанции. Причины, по которым эти документы не оглашались и не были исследованы в суде первой инстанции, у сторон не выяснялись.

При таких обстоятельствах приговор суда апелляционной инстанции в отношении Д. не мог быть признан законным¹.

3. В случае, если близкие родственники настаивают на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего обвиняемого, то в ходе судебного разбирательства по делу, которое проводится в обычном порядке, должны быть установлены обстоятельства происшедшего, дана их правовая оценка, а также выяснена причастность или не причастность обвиняемого к совершению инкриминируемого ему деяния. Выводы суда по этим вопросам не могут основываться на материалах предварительного следствия, не исследованных судом и не нашедших отражения в протоколе судебного заседания

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам
Третьего кассационного суда общей юрисдикции
от 20 августа 2020 г.*

(Извлечение)

Органами предварительного расследования в отношении К. было вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемой в том, что она, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, в нарушение требований

пп. 1.4, 1.5, 9.1, 9.9, 9.10, 10.1 Правил дорожного движения РФ 11 июля 2018 г. выехала на полосу встречного движения, что привело к дорожно-транспортному происшествию, в результате которого пассажиру Д. был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности ее смерть, а К. 11 июля 2018 г. от полученных в происшествии телесных повреждений скончалась.

По постановлению Виноградовского районного суда Архангельской области от 27 февраля 2020 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) уголовное дело в отношении К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с ее смертью.

В кассационной жалобе адвокат и законный представитель К. просили отменить решение суда и прекратить производство по уголовному делу в отношении К. за отсутствием в деянии состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции 20 августа 2020 г. постановление суда и апелляционное постановление отменила и передала уголовное дело на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П “По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрова и Ю.Ф. Ващенко”, если близкие родственники настаивают на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего, то в рамках судебного разбирательства по делу, которое проводится в обычном порядке (с учетом особенностей, обусловленных физическим отсутствием такого участника судебного разбирательства, как подсудимый), должны быть установлены обстоятельства происшедшего, дана их правовая оценка, а также выяснена действительная степень вины (или невиновность) лица в совершении инкриминируемого ему деяния.

Вопреки этой позиции в постановлении суда не изложены обстоятельства, установленные по итогам рассмотрения уголовного дела, и выводы, к которым суд пришел на основании исследованных в судебном заседании доказательств, а лишь указано на обвинение, предъявленное К. органами предварительного расследования. Сославшись на недоказанность вмененного К. скоростного режима, суд не мотивировал, по каким причинам признает установленным нарушение ею п. 10.1 Правил дорожного движения РФ.

В описательно-мотивировочной части постановления о прекращении уголовного дела в обоснование причастности К. к совершению преступления судом приведено заключение автотехнической экспертизы. Однако из протокола судебного

¹По апелляционному определению судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Ингушетия от 25 ноября 2020 г. приговор городского суда от 28 декабря 2017 г. в отношении Д. отменен, а уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение.

заседания усматривается, что указанное заключение не оглашалось в судебном заседании.

Вместе с тем в силу положений ст. 240 УПК РФ по уголовному делу, рассмотренному в общем порядке, выводы суда об участии лица в совершении преступления, приведенные в постановлении о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, могут быть основаны лишь на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 3 (2021)²

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

56. Субъект Российской Федерации вправе устанавливать административную ответственность за нарушение нормативных правовых актов органов местного самоуправления, предусматривающих запрет на размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, а также на детских и спортивных площадках.

Решением уполномоченного органа местного самоуправления были утверждены правила благоустройства территории города (далее — правила благоустройства).

Согласно пп. 8, 9 ч. 1 ст. 23 правил благоустройства в целях обеспечения сохранности покрытия дорог и тротуаров, искусственных сооружений и других объектов благоустройства города запрещается размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, размещение транспортных средств на детских и спортивных площадках.

Законом субъекта Российской Федерации утвержден Кодекс об административных правонарушениях данного субъекта.

В соответствии с ч. 1 ст. 2.6 Закона размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, на детских, игровых и спортивных площадках, если данные действия запрещены нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, влечет наложение административного штрафа.

Заявитель обратился в суд с административным иском о признании недействующими ч. 1 ст. 2.6 Закона, а также пп. 8 и 9 ч. 1 ст. 23 правил благоустройства, ссылаясь на то, что они противоречат нормативным правовым актам, обладающим большей юридической силой.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суд исходил из того, что оспариваемые акты приняты административными ответчиками в пределах их компетенции, в надлежащей форме, с соблюдением процедуры принятия и правил введения в действие.

При этом, как разъяснено в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 “О судебном приговоре”, суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.

Таким образом, по данному уголовному делу допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела¹.

Суд также пришел к выводу о том, что диспозиция ч. 1 ст. 2.6 Закона содержит описание конкретных противоправных действий (бездействия), исключающих совпадение признаков объективной стороны предусмотренного ею состава административного правонарушения с составами административных правонарушений, ответственность за совершение которых установлена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях; в оспариваемой норме права слова “если данные действия запрещены нормативными правовыми актами органов местного самоуправления” относятся к гипотезе нормы и ставят возможность привлечения к ответственности в зависимости от наличия на территории конкретного муниципального образования соответствующих запретов, что не противоречит принципу равенства лиц, совершивших административные правонарушения, перед законом, закрепленному в ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ.

Кроме того, суд указал, что органы местного самоуправления в правилах благоустройства соответствующих муниципальных образований вправе регулировать вопросы, связанные с установлением запретов на размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, а также на детских и спортивных площадках.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда в части отказа в удовлетворении заявленных требований об оспаривании ч. 1 ст. 2.6 Закона отменено, принято новое решение о признании данной нормы не действующей с момента вступления решения суда в законную силу.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился кассационный суд, исходил из того, что в оспариваемой норме признаки объективной стороны административного правонарушения четко не сформулированы, отсылка к правовым актам муниципальных образований влечет правовую неопределенность при решении вопроса об отнесении конкретных действий (бездействия) к составу административного правонарушения; данное предписание не отвечает требованиям ясности и недвусмысленности, допускает привлечение к административной ответственности без указания на конкретные правила органов местного самоуправления. Также судами отмечено противоречие оспариваемой нормы ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ, поскольку на территории одного субъекта Российской Федерации органами местного самоуправления могут быть приняты взаимоисключающие муниципальные правовые акты.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ не согласилась с приве-

¹По постановлению Виноградовского районного суда Архангельской области от 3 декабря 2020 г. уголовное дело в отношении К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с ее смертью. Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 4 февраля 2021 г. постановление суда от 3 декабря 2020 г. оставлено без изменения.

²Окончание. Начало в № 1, 2022 г.

денными выводами судов апелляционной и кассационной инстанций.

Согласно ст. 1.1 КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях состоит из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 1.3¹ КоАП РФ к ведению субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях относится установление законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Следовательно, субъект Российской Федерации вправе установить административную ответственность за нарушение тех правил и норм, которые предусмотрены нормативными правовыми актами этого субъекта Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, путем указания в диспозиции нормы конкретных противоправных действий, исключающих совпадение признаков объективной стороны состава административного правонарушения, установленного законом субъекта Российской Федерации, с признаками объективной стороны состава административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно п. 1 ст. 1.1 Закона административная ответственность введена им за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления муниципальных образований указанного субъекта Российской Федерации.

Из содержания ст. 2.6 названного Закона, включенной в главу 2, объединяющую административные правонарушения в области благоустройства, усматривается, что она состоит из диспозиции (“размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, на детских, игровых и спортивных площадках”), гипотезы (“если данные действия запрещены нормативными правовыми актами органов местного самоуправления”) и санкции (“влечет наложение административного штрафа на граждан в размере пяти тысяч рублей, на должностных лиц — десяти тысяч рублей, на юридических лиц — десяти тысяч рублей”). Диспозиция оспариваемой нормы носит определенный, конкретный характер, определяет в том числе и объективную сторону правонарушения, выражающуюся в конкретном действии — размещении транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, на детских, игровых и спортивных площадках.

Таким образом, ч. 1 ст. 2.6 Закона определяет объективную сторону и объект правонарушения, не содержит неоднозначных формулировок и терминов, свидетельствующих о правовой неопределенности.

В соответствии с ч. 1, пп. 1, 5 и 7 ч. 2 ст. 45¹ Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федера-

ции” правила благоустройства территории муниципального образования утверждаются представительным органом соответствующего муниципального образования, могут регулировать вопросы содержания территорий общего пользования и порядка пользования такими территориями, организации озеленения территории муниципального образования, включая порядок создания, содержания, восстановления и охраны расположенных в границах населенных пунктов газонов, цветников и иных территорий, занятых травянистыми растениями, размещения и содержания детских и спортивных площадок, площадок для выгула животных, парковок (парковочных мест), малых архитектурных форм.

В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” разъяснено, что, если остановка или стоянка транспортного средства была осуществлена на территориях, на которые не распространяется действие раздела 12 Правил дорожного движения Российской Федерации (например, газон, детская площадка, иные объекты благоустройства), такие действия квалификации по ст. 12.19 КоАП РФ (нарушение правил остановки или стоянки транспортных средств) не подлежат. Административная ответственность за указанные нарушения может быть установлена законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

При таких обстоятельствах с учетом положения п. 1 ч. 1 ст. 1.3¹ КоАП РФ субъект Российской Федерации был вправе установить административную ответственность за нарушение нормативных правовых актов органов местного самоуправления, предусматривающих запрет на размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, а также на детских и спортивных площадках.

Следовательно, муниципальные правовые акты органов местного самоуправления, в которые включены подобные запреты, и ч. 1 ст. 2.6 Закона, содержащая в том числе отсылку к указанным муниципальным актам, не противоречат законодательству, имеющему большую юридическую силу.

С учетом характера допущенного судами апелляционной и кассационной инстанций существенного нарушения норм материального права принятые ими судебные акты подлежат отмене.

Определение № 87-КАД21-1-К2

57. В случае обращения взыскания на страховую пенсию по инвалидности, которая является для должника единственным источником средств к существованию, надлежит учитывать в числе прочего размер этой выплаты с тем, чтобы обеспечить должнику и лицам, находящимся на его иждивении, условия, необходимые для их нормального существования, и реализацию его социально-экономических прав.

Вступившим в законную силу решением суда с Б. и общества с ограниченной ответственностью солидарно взыскана задолженность по договору лизинга, о чем выдан исполнительный лист и вынесено постановление о возбуждении исполнительного производства.

Б. обратился в суд с административным иском к районному отделу судебных приставов, УФССП

России по субъекту Российской Федерации о признании незаконными постановлений судебного пристава-исполнителя о ежемесячном удержании суммы долга (задолженности), о взыскании ранее удержанных денежных средств и суммы компенсации морального вреда.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Кассационным судом общей юрисдикции указанные судебные акты оставлены в силе.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ 28 июля 2021 г. отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Условия и порядок принудительного исполнения судебных актов определены Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”, в ст. 4 которого установлено, что исполнительное производство осуществляется на принципах законности, своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, уважения чести и достоинства гражданина, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

В соответствии с пп. 1, 2 ч. 3 ст. 68 названного Федерального закона мерами принудительного исполнения являются: обращение взыскания на имущество должника, обращение взыскания на периодические выплаты, получаемые должником в силу трудовых, гражданско-правовых или социальных правоотношений.

Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации” определены меры социальной защиты инвалидов, в числе которых — материальное обеспечение инвалидов.

Согласно ст. 27 данного Федерального закона материальное обеспечение инвалидов включает денежные выплаты по различным основаниям (пенсии, пособия, страховые выплаты при страховании риска нарушения здоровья, выплаты в счет возмещения вреда, причиненного здоровью, и другие выплаты), компенсации в случаях, установленных законодательством Российской Федерации.

Среди таких денежных выплат — страховая пенсия по инвалидности, условия, порядок выплаты и назначения которой регламентированы Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях”, ежемесячная денежная выплата инвалидам, предусмотренная ст. 28¹ Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”.

Согласно ч. 1 ст. 9 Федерального закона “О страховых пенсиях” право на страховую пенсию по инвалидности имеют граждане из числа застрахованных лиц, признанные инвалидами I, II или III группы.

Пунктом 1 ч. 1 ст. 29 этого Закона предусмотрена возможность производить удержания из страховой пенсии на основании исполнительных документов. При этом в силу ч. 3 названной статьи удержано может быть не более 50%, а в установленных законодательством Российской Федерации случаях не более 70% страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии

(с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии).

В соответствии с ч. 2 ст. 99 Федерального закона “Об исполнительном производстве” удержания производятся до исполнения в полном объеме содержащихся в исполнительном документе требований.

Судами установлено, что Б. является инвалидом II группы по общему заболеванию бессрочно.

На основании ст. 9 Федерального закона “О страховых пенсиях” Б. получает страховую пенсию по инвалидности, а также ежемесячную денежную выплату, предусмотренную чч. 1 и 2 ст. 28¹ Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”.

Удержания при исполнении исполнительного документа производятся из страховой пенсии Б. по инвалидности.

Разрешая заявленные требования, суды сделали правильный вывод о возможности производить удержания из страховой пенсии по инвалидности на основании исполнительных документов.

Между тем при рассмотрении данного административного дела судами не было учтено следующее.

По смыслу ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, исполнение судебного решения, в том числе вынесенного в пользу кредитора в случае нарушения должником гражданско-правового обязательства перед ним, следует рассматривать как элемент судебной защиты, что требует от государства в лице законодателя принятия необходимых мер по обеспечению его реализации.

Как указывал Конституционный Суд РФ, защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется; избирая в рамках конституционной дискреции тот или иной механизм исполнительного производства, федеральный законодатель во всяком случае должен осуществлять непротиворечивое регулирование отношений в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не вправе ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения (Постановления от 30 июля 2001 г. № 13-П, от 15 января 2002 г. № 1-П, от 14 мая 2003 г. № 8-П, от 14 июля 2005 г. № 8-П).

Вместе с тем, обеспечивая возможность удовлетворения интересов и защиты имущественных прав управомоченного в силу гражданско-правового обязательства лица (кредитора, взыскателя), законодатель должен исходить из направления политики Российской Федерации как социального государства на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а также из конституционных основ правового статуса личности, в частности требования ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, в данном случае — права лица обязанного (должника), когда в рамках исполнительного производства возникает необходимость обращения взыскания на принадлежащее ему на праве собственности имущество, с тем чтобы не умалялось достоинство личности и не нарушались социально-экономические права граждан (ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации; ст. 25 Всеобщей декларации прав человека).

Таким образом, законодательная регламентация обращения взыскания по исполнительным документам должна осуществляться на стабильной правовой основе сбалансированного регулирования прав и законных интересов всех участников исполнительного производства с законодательным установлением пределов возможного взыскания, не затрагивающих основное содержание прав должника и одновременно отвечающих интересам защиты прав кредитора (Постановление Конституционного Суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П).

Сама по себе такая возможность согласуется с задачами исполнительного производства, включающими правильное и своевременное исполнение судебных актов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, в противном случае ставился бы под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения о взыскании денежных средств с должников-граждан, которые не имеют иного дохода, кроме пенсии.

Как указывалось выше, при исполнении исполнительного документа (нескольких исполнительных документов) с должника-гражданина может быть удержано не более 50%, а в установленных случаях — не более 70% страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии).

Вместе с тем возможна ситуация, при которой пенсия является для должника-гражданина единственным источником существования. В таком случае необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и должника-гражданина требует защиты прав последнего путем не только соблюдения минимальных стандартов правовой защиты, отражающих применение мер исключительно правового принуждения к исполнению должником своих обязательств, но и сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни.

По смыслу ст. 4, ч. 2 ст. 99 Федерального закона “Об исполнительном производстве” в их взаимосвязи конкретный размер удержания из заработной платы и иных доходов должника при исполнении исполнительного документа подлежит исчислению с учетом всех обстоятельств данного дела, при неукоснительном соблюдении таких принципов исполнительного производства, как уважение чести и достоинства гражданина и неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи.

Таким образом, при определении размера удержания из пенсии должника-гражданина, являющейся для него единственным источником средств к существованию, надлежит учитывать в числе прочего размер этой пенсии с тем, чтобы обеспечить должнику и лицам, находящимся на его иждивении, условия, необходимые для их нормального существования, и реализацию его социально-экономических прав. При этом необходимо сочетание двух основополагающих положений — конституционного принципа исполнимости судебных решений и установления пределов возможного взыскания, не затрагивающего основное содержание прав должника, в частности, с тем чтобы сохранить должнику-гражданину необходимый уровень существования.

Суд первой инстанции, делая вывод о законности постановлений судебного пристава-испол-

нителя, не устанавливал размер пенсии Б., утверждавшего, что она является для него единственным источником средств к существованию, не проверял его доводы о несоответствии дохода размеру прожиточного минимума после произведенных удержаний по исполнительному листу, ограничившись указанием на то, что данное обстоятельство не является исключительным для изменения сроков исполнения исполнительного документа. По мнению суда, отмена постановления судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на пенсию должника приведет к необоснованному ущемлению прав взыскателя на эффективную правовую защиту и повлечет затягивание исполнения вступивших в законную силу судебных актов о взыскании денежных средств.

Выяснение названных обстоятельств имеет существенное значение для правильного разрешения заявленных требований, направлено как на соблюдение минимальных стандартов правовой защиты должника, так и на сохранение для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни.

Оставляя без изменения решение суда первой инстанции, суды апелляционной и кассационной инстанций указали на то, что удержание из пенсии должника в размере 10% направлено на исполнение требований исполнительного документа, который на протяжении длительного времени оставался неисполненным ввиду отсутствия у должника иного имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Такой вывод судебных инстанций не основан на материалах дела, в которых не содержится документов об отсутствии имущества у должника Б.

Кроме того, материальное обеспечение тех категорий лиц, которые нуждаются в особой защите в силу возраста или состояния здоровья, гарантировано ст. 87 СК РФ, предусматривающей, что трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них.

В ходе рассмотрения дела судами не определялся круг алиментнообязанных лиц. Между тем в зависимости от наличия или отсутствия у Б. имущественного права на получение содержания возможно достоверно установить его имущественное положение.

Таким образом, если суды при рассмотрении дела не исследуют фактические обстоятельства по существу, ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, право на судебную защиту, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, оказывается существенно ущемленным (Постановления от 6 июня 1995 г. № 7-П, от 13 июня 1996 г. № 14-П, от 28 октября 1999 г. № 14-П, от 22 ноября 2000 г. № 14-П, от 14 июля 2003 г. № 12-П, от 12 июля 2007 г. № 10-П).

Определение № 53-КАД21-5-К8

58. В случае, когда объект недвижимости по условиям договора купли-продажи был приобретен за счет средств материнского (семейного) капитала, а доли в праве собственности на него установлены соглашением всех участников долевой собственности, такое соглашение не требует нотариального удостоверения, поскольку оно не является сделкой по отчуждению общего имущества, нажитого супругами в период брака.

Решением Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Управление Росреестра) отказано Т. в государственной регистрации права в отношении здания и земельного участка, имеющих

кадастровые номера и расположенных по определенному адресу. Отказ мотивирован тем, что на государственную регистрацию представлено не удостоверенное нотариусом соглашение о разделе нажитого в период брака общего имущества супругов; несоблюдение нотариальной формы сделки является препятствием для государственной регистрации соглашения, как не отвечающего по форме требованиям действующего законодательства.

Заявитель обратился в суд с административным иском о признании данного отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции административный иск оставлен без удовлетворения. При этом суд исходил из того, что представленным на регистрацию соглашением был разрешен вопрос не только об исполнении обязательств, принятых Т. при использовании средств материнского (семейного) капитала в связи с покупкой жилого дома, но и о разделе земельного участка, нажитого Т. и В. в период брака. Отсутствие при таких обстоятельствах нотариального удостоверения соглашения указывает на несоответствие формы документа, представленного для осуществления государственной регистрации права, требованиям законодательства Российской Федерации.

Судом апелляционной инстанции данное решение отменено, по делу принято новое решение, оспариваемый отказ Управления Росреестра признан незаконным с возложением обязанности на регистрирующий орган произвести регистрацию права общей долевой собственности на объекты недвижимости, приобретенные на денежные средства с участием материнского капитала.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции счел изложенные в обжалуемом судебном акте выводы основанными на неверном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорное правоотношение, указав в определении, в частности, на то, что обжалуются действия (бездействие) регистрирующего органа по осуществлению регистрации прав на объекты, приобретенные по договору купли-продажи с участием средств материнского капитала. Такие средства ввиду их специального назначения не являются совместно нажитым имуществом супругов и не могут быть разделены между супругами без учета интересов детей, которые должны признаваться участниками долевой собственности на объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала.

Судом кассационной инстанции апелляционное определение отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе. При этом суд кассационной инстанции указал, что судом апелляционной инстанции не учтено, что общая сумма договора купли-продажи сложилась не только из средств материнского капитала: в оплате сделки участвовали также денежные средства, являющиеся общей собственностью супругов Т. и В.; представленное на регистрацию соглашение направлено на возникновение, изменение или прекращение права на общее имущество супругов. Следовательно, в результате соглашения, представленного на регистрацию, была осуществлена сделка по отчуждению долей в праве общей собственности на недвижимое имущество, требующая нотариального удостоверения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение суда общей юрисдикции и оставила в

силе определение суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Материнский (семейный) капитал — средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Пенсионного фонда РФ на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”.

В силу чч. 1 и 4 ст. 10 данного Федерального закона на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах, могут направляться средства (часть средств) материнского (семейного) капитала; лицо, получившее сертификат, его супруг (супруга) обязаны оформить жилое помещение, приобретенное с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению.

Согласно п. 8.1 Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий, утвержденных постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2007 г. № 862 (с последующими изменениями), размер средств (части средств) материнского (семейного) капитала, направляемых на оплату обязательств по договору купли-продажи жилого помещения, не может превышать цены договора или размера оставшейся неуплаченной суммы по договору.

Таким образом, приобретенные по договору купли-продажи с участием средств материнского капитала объекты недвижимости не могут быть оформлены в общую собственность супругов без учета интересов детей, которые в силу закона признаются участниками долевой собственности на объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала, однако при этом допускается участие в указанных сделках не только средств материнского капитала, но и денежных средств супругов.

Т. был приобретен по договору купли-продажи земельный участок с расположенным на нем индивидуальным жилым домом стоимостью 533 026 руб., оплата объектов недвижимости произведена частично за счет собственных средств семьи Т., окончательный расчет осуществлен за счет средств материнского капитала на основании решения государственного учреждения — Управления Пенсионного фонда РФ и выданного Т. как покупателю государственного сертификата на материнский (семейный) капитал.

Сделанные в ЕГРН записи о регистрации права собственности Т. на указанные земельный участок и жилой дом не отменяли обязанности в установленном законом срок оформить в равных долях между всеми членами семьи приобретенное имущество.

Представленное на государственную регистрацию соглашение направлено на оформление равных долей в общем имуществе между всеми правообладателями приобретенных с участием материнского капитала в соответствии с требованиями Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” по указанной сделке объектов недвижимости.

Таким образом, данное соглашение не является сделкой по отчуждению общего имущества, нажитого супругами в период брака, а потому отсутствие нотариального удостоверения соглашения не препятствовало его государственной регистрации в соответствии со ст. 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости”, согласно которой подлежат нотариальному удостоверению сделки по отчуждению или договоры ипотеки долей в праве общей собственности на недвижимое имущество.

Определение № 50-КАД21-1-К8

59. При рассмотрении административного дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке судам следует устанавливать, имеется ли у гражданина тяжелое психическое расстройство, влечет ли оно последствия в виде непосредственной опасности для гражданина или для окружающих, беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи; является ли лечение гражданина возможным лишь в условиях медицинской организации.

Обязанность доказывания обстоятельств по такому административному делу лежит на лице, обратившемся в суд с заявлением.

С. по направлению бригады скорой медицинской помощи поступила в психиатрический стационар в недобровольном порядке.

Заключением комиссии врачей-психиатров установлено, что на момент освидетельствования С. страдала тяжелым хроническим психическим расстройством в виде органического шизофреноподобного расстройства смешанного генеза. По результатам обследования у нее выявлены аффективные нарушения, активные бредовые переживания, агрессивные тенденции, опасность для окружающих, возможность ухудшения состояния при несвоевременном оказании психиатрической помощи, отсутствие критики к своему заболеванию и установок на амбулаторное лечение.

На основании данного заключения заместитель главного врача психиатрического стационара обратился в суд с административным исковым заявлением о госпитализации С. в недобровольном порядке.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Удовлетворяя заявленные требования, суд пришел к выводу о наличии у С. тяжелого психического заболевания, которое в случае оставления ее без психиатрической помощи (оказание которой возможно только в стационарных условиях) повлечет причинение существенного вреда ее здоровью.

Определением суда апелляционной инстанции указанное решение было отменено, по делу вынесено новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении административного иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что акт комиссионного стационарного психиатрического освидетельствования основан исключительно на пояснениях дочери С. — П., с которой она находится в неприязненных отношениях, что не позволяет исключить факт оговора, указал на отсутствие у С. тяжелого психического расстройства, поскольку при рассмотрении апелляционной жалобы она правильно ориентировалась в месте и времени проводимых судебных за-

седаний, окружающей действительности и собственной личности, излагала свои мысли понятно, затруднений в понимании обращенной к ней речи не испытывала.

Суд кассационной инстанции, отменяя апелляционное определение, счел, что акт комиссионного стационарного психиатрического освидетельствования, результаты которого положены судом первой инстанции в основу его выводов, содержит указание на обстоятельства, которые в силу Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” являются основанием для госпитализации в недобровольном порядке. Данное заключение получило в решении суда наряду с другими представленными в дело доказательствами оценку по правилам ст. 84 КАС РФ.

Суд кассационной инстанции подверг критике показания врача С. — Т., поскольку она не входила в состав комиссии, проводившей освидетельствование пациентки, и не являлась ее лечащим врачом.

При этом, отменяя апелляционное определение, суд кассационной инстанции правильно указал на то, что диагностирование психического расстройства у С. на дату госпитализации в компетенцию суда не входит, поскольку разрешение данного вопроса требует специальных познаний. Однако вопрос о назначении судебной экспертизы апелляционным судом на обсуждение сторон не ставился и не разрешался.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ ссылаясь на то, что С. на учете у психиатра не состоит, по поводу психических расстройств к врачам не обращалась. В ходе рассмотрения дела наличие у нее тяжелого психического расстройства административным истцом не доказано. Основания, предусмотренные ст. 29 Закона РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании”, для госпитализации С. в недобровольном порядке отсутствовали.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила определение суда кассационной инстанции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Надлежащее состояние психического здоровья человека — одно из необходимых условий функционирования личности в качестве полноценного представителя человеческого общества. Лица, страдающие психическим расстройством, неминуемо оказываются исключенными из системы общественных связей, поскольку не могут надлежащим образом участвовать в социальных отношениях, а потому данная категория лиц нуждается в повышенной правовой и социальной защите.

Согласно ч. 1 и п. 3 ч. 9 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи. Медицинское вмешательство без согласия гражданина допускается в отно-

шении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами.

Госпитализация в психиатрическое учреждение в недобровольном порядке — один из видов психиатрической помощи, оказываемой лицам, страдающим психическими расстройствами.

Учитывая принудительный характер этой меры, Закон РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” и глава 30 КАС РФ в целях защиты прав таких лиц от злоупотреблений властью и произвола устанавливают, что ее применение возможно только по указанным медико-социальным показаниям, которые обуславливают необходимость применения такой меры, и при условии обязательного судебного контроля, а также закрепляют права лиц, страдающих психическими расстройствами, при оказании им психиатрической помощи и корреспондирующие им обязанности психиатрического учреждения.

Статьей 29 Закона РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” закреплены основания для госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке.

В силу ст.ст. 33—35 названного Закона решение о госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке принимается исключительно судом.

По смыслу приведенных правовых норм недобровольная госпитализация гражданина, страдающего психическим расстройством, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможна только по решению суда и в случае, когда указанное расстройство является тяжелым и обусловлено признаками, предусмотренными ст. 29 упомянутого Закона.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 278, чч. 1 и 2 ст. 279 КАС РФ при рассмотрении административного дела о госпитализации в недобровольном порядке суду необходимо выяснить, имеется ли у гражданина тяжелое психическое расстройство, влечет ли оно последствия в виде непосредственной опасности для гражданина или для окружающих, беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи, является ли лечение гражданина возможным лишь в условиях медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, а также наличие факта отказа или уклонения гражданина от госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в добровольном порядке.

При этом медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях, при обращении в суд обязана доказать наличие обстоятельств, которые являются основанием для принудительной госпитализации лица.

Рассмотрев по существу административное дело, суд принимает решение об удовлетворении административного иска, если установит наличие оснований для госпитализации гражданина в недобровольном порядке. При необоснованности требований суд отказывает в их удовлетворении.

Принудительная изоляция от общества лиц, страдающих психическим расстройством, по причине их предполагаемой опасности для себя и (или) окружающих происходит путем фактиче-

ского удержания в психиатрическом стационаре и, следовательно, затрагивает такие закрепленные Конституцией Российской Федерации права, как право на свободу передвижения (ст. 27), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22).

Именно в силу этого роль суда в таких случаях не может сводиться лишь к формальному удовлетворению заявления о принудительной госпитализации гражданина: суд обязан удостовериться, что отсутствуют основания сомневаться в достоверности и полноте сведений, при этом такие сведения в соответствии с ч. 2 ст. 84 КАС РФ не могут иметь для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами на основе внутреннего убеждения судьи.

Суд первой инстанции, положив в основу решения объяснения административного истца, акт комиссионного стационарного психиатрического освидетельствования, показания специалиста психиатрического стационара, не проверил доводы С. об отсутствии у нее психического расстройства, а также наличие оснований для госпитализации в недобровольном порядке. Фактов, которые достоверно свидетельствовали бы о невозможности оставления С. вне условий стационара, суд не устанавливал.

Несмотря на отсутствие добровольного согласия на госпитализацию, С. была доставлена бригадой скорой медицинской помощи в психиатрический стационар.

Однако обстоятельства такого доставления, документы, оформленные врачом скорой медицинской помощи при госпитализации в медицинскую организацию, судом не исследовались, сотрудники бригады скорой медицинской помощи не допрашивались, особенности поведения С., указывающие на нахождение ее в состоянии, представляющем непосредственную опасность для себя или окружающих, на необходимость ее госпитализации в принудительном порядке, не устанавливались.

Таким образом, удовлетворяя административный иск, суд первой инстанции мер к всестороннему и полному установлению фактических обстоятельств по делу не принял, ограничившись формальным указанием оснований, перечисленных в ст. 29 Закона РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании”, в акте комиссионного стационарного психиатрического освидетельствования.

Указанные недостатки не были устранены судами апелляционной и кассационной инстанций.

Определение № 72-КАДПР21-3-К8

60. Если кадастровая стоимость конкретного объекта недвижимости не определена, это не исключает возможности применения для целей налогообложения (по решению налогового органа, а при наличии спора — суда) рыночной стоимости объекта, определенной согласно требованиям нормативного регулирования оценочной деятельности.

Налоговый орган обратился в суд с административным иском заявлением к П. о взыскании задолженности по налогу на имущество физических лиц за 2015, 2016 годы и пеней, ссылаясь на то, что административный ответчик, являясь собственником недвижимого имущества, своевременно данный налог не уплатил.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено в полном объеме.

Кассационным определением судебной коллегии по административным делам кассационно-

го суда общей юрисдикции названные судебные постановления оставлены без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ 14 июля 2021 г. указанные судебные акты отменила и дело направила на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно ст. 400 НК РФ налогоплательщиками налога на имущество физических лиц признаются физические лица, обладающие правом собственности на имущество, признаваемое объектом налогообложения в соответствии со ст. 401 НК РФ (жилой дом, жилое помещение (квартира, комната), гараж, машино-место, единый недвижимый комплекс, объект незавершенного строительства, иные здание, строение, сооружение, помещение).

В силу п. 2 ст. 15, абз. 1 п. 1 ст. 399 Кодекса налог на имущество физических лиц относится к местным налогам, устанавливается данным Кодексом и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, вводится в действие и прекращает действовать в соответствии с Кодексом и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований и обязателен к уплате на территориях этих муниципальных образований.

Пунктом 1 ст. 402 Кодекса регламентировано, что налоговая база в отношении объектов налогообложения определяется исходя из их кадастровой стоимости, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 данной статьи.

Указанный порядок определения налоговой базы может быть установлен нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований (законами городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) после утверждения субъектом Российской Федерации в установленном порядке результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимого имущества.

Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации (за исключением городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) устанавливает в срок до 1 января 2020 г. единую дату начала применения на территории этого субъекта Российской Федерации порядка определения налоговой базы исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения с учетом положений ст. 5 данного Кодекса.

Согласно п. 2 ст. 402 НК РФ налоговая база в отношении объектов налогообложения, за исключением объектов, указанных в п. 3 названной статьи, определяется исходя из их инвентаризационной стоимости в случае, если субъектом Российской Федерации не принято решение, предусмотренное абз. 3 п. 1 данной статьи.

Так, законом субъекта Российской Федерации установлена единая дата начала применения порядка определения налоговой базы по налогу на имущество физических лиц исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения — 1 января 2017 г.

Как установлено судами, П. в 2015—2016 гг. являлся собственником недвижимого имущества.

На указанное имущество налоговым органом был начислен налог, и в адрес П. направлено уведомление об уплате налога на это имущество за 2015 и 2016 годы в соответствующем размере в срок не позднее 1 декабря 2017 г. В связи с неуплатой в установленный срок налога на сумму задолженности начислены пени.

В адрес П. выставлено требование о необходимости уплаты налога на имущество в срок до

17 января 2018 г., которое не было исполнено, в связи с чем налоговый орган обратился в суд.

Суд первой инстанции, установив, что недоимка по налогу на имущество за 2015 и 2016 годы, а также пени, начисленные за неуплату налога в срок, административным ответчиком не уплачены, пришел к выводу, с которым согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, о правомерности требований налогового органа и заявление удовлетворил.

При этом суды установили, что для расчета налога применялась инвентаризационная стоимость объектов недвижимости.

Налог был исчислен с применением ставок, установленных на 2015—2016 гг. решением органа местного самоуправления.

Расчет налога исходя из суммарной инвентаризационной стоимости объектов налогообложения проверен судом и признан арифметически верным.

В кассационной жалобе П. указывал, что налог на один из объектов недвижимости, исчисленный исходя из его инвентаризационной стоимости, в несколько раз превышает налог, исчисленный исходя из кадастровой стоимости данного объекта; при разрешении спора судами не была учтена правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в Постановлении от 15 февраля 2019 г. № 10-П “По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф. Низамовой”, согласно которой пп. 1 и 2 ст. 402 НК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не исключают права налогоплательщика — в тех субъектах Российской Федерации, в которых не утверждены в установленном порядке результаты определения кадастровой стоимости объектов недвижимого имущества и (или) не установлена единая дата начала применения на их территориях порядка определения налоговой базы по налогу на имущество физических лиц, исходя из кадастровой стоимости, — требовать в индивидуальном порядке (при разрешении налогового спора), в целях исчисления суммы налога на имущество физических лиц, использования сведений об определенной в надлежащем порядке кадастровой (рыночной) стоимости этого имущества и соответствующего размера налоговой ставки в том случае, когда сумма налога, исчисленная налоговым органом исходя из инвентаризационной стоимости этого имущества, существенно превышает сумму налога, исчисляемую исходя из его кадастровой стоимости.

В данном Постановлении Конституционный Суд РФ также отметил, что законодатель рассматривает налогообложение с использованием инвентаризационной стоимости как менее обременительное по общему правилу для налогоплательщика (п. 4.1). Однако, когда инвентаризационная стоимость конкретного объекта недвижимости такова, что не подтверждается предположение законодателя о ее существенно более низкой стоимости (по сравнению с кадастровой или рыночной стоимостью), а муниципальными образованиями этого субъекта Российской Федерации реализовано право на установление размера налоговых ставок, которые значительно превышают пороговые значения налоговых ставок применительно к кадастровой стоимости объекта недвижимости, — притом что сама дискреция представительных органов муниципальных образований в вопросе определения конкретных размеров налоговых ставок по местным налогам в пределах предусмотренных законо-

дательством о налогах и сборах ограничений не ставится под сомнение, — размер налогового бремени конкретных налогоплательщиков, исчисленный исходя из инвентаризационной стоимости объекта налогообложения, может оказаться существенно, а иногда и многократно, большим, чем исчисленный из кадастровой стоимости этого объекта недвижимости, если бы таковая была установлена и применялась в соответствующем субъекте Российской Федерации (п. 4.2).

Для недопущения существенного (во всяком случае — в 2 раза и более) различия в размере налога на имущество физических лиц (в отношении одного и того же объекта налогообложения за один и тот же налоговый период) в зависимости от разных показателей налоговой базы (инвентаризационной и кадастровой стоимости), а также соответствующих им размеров налоговых ставок, т.е. для недопущения ситуаций, свидетельствующих о несправедливом налогообложении имущества граждан, следует исходить из того, что если применительно к конкретному налогооблагаемому объекту недвижимости уже установлена кадастровая стоимость, хотя она еще официально не используется в субъекте Российской Федерации для целей налогообложения, то в качестве приемлемого правового инструмента может рассматриваться применение такой стоимости (в отсутствие установленных в надлежащем порядке фактов ее недостоверности) с учетом соответствующего размера налоговой ставки.

Если же кадастровая стоимость конкретного объекта недвижимости не определена, то это не исключает применения взамен ее для целей налогообложения (по решению налогового органа, а при наличии спора — суда) рыночной стоимости соответствующего объекта, определенной согласно требованиям нормативного регулирования оценочной деятельности. Отсутствие возможности исходить в указанных случаях из кадастровой (рыночной) стоимости и соответствующих ставок налога на имущество означало бы в нарушение ст. 57 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ч. 2 ст. 6, ст. 7, ч. 1 ст. 19 и ч. 3 ст. 55 недопустимое отступление от принципов равенства и справедливости в сфере налогообложения. Поэтому не должны являться препятствием к использованию для целей налогообложения кадастровой или рыночной стоимости объекта недвижимости неудобства, связанные с налоговым администрированием, поскольку цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод (Постановления Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П, от 17 января 2018 г. № 3-П и другие.).

Согласно выписке из Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) кадастровая стоимость здания караульного помещения, утвержденная 28 декабря 2012 г. актом от 25 декабря 2012 г. и внесенная в ЕГРН по состоянию на 29 июня 2012 г., составляла 166 138 руб.

Таким образом, инвентаризационная стоимость по состоянию на эти же даты была равна 1 663 897 руб. и 1 972 915 руб. соответственно, что существенно превышало кадастровую стоимость (более чем в 10 раз).

Данное обстоятельство свидетельствует о возложении на П. повышенной налоговой нагрузки, что ставит его в неравное положение с другими налогоплательщиками, уплачивающими налог на имущество, исчисленный из инвентаризационной стоимости, которая меньше или равна кадастровой стоимости, и, следовательно, свидетельствует о возможности применения к спорным пра-

воотношениям позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 15 февраля 2019 г. № 10-П.

Между тем указанная позиция судами в данном деле не учтена, доводы административного истца о нарушении его прав применением при расчете налоговой базы инвентаризационной стоимости объекта налогообложения, существенно превышающей кадастровую стоимость, надлежащей правовой оценки не получили.

Суды исходили из того, что действующий в рассматриваемый период порядок исчисления налога предусматривал определение налоговой базы исходя из инвентаризационной стоимости объектов налогообложения, а единая дата начала применения на территории субъекта Российской Федерации порядка определения налоговой базы по указанному налогу исходя из кадастровой стоимости установлена региональным законодателем только с 1 января 2017 г.

Суд кассационной инстанции указал, что Постановление от 15 февраля 2019 г. № 10-П не может служить основанием для отмены состоявшихся по делу судебных актов, поскольку административный истец не доказал факта нарушения его прав.

Вместе с тем доказывание по административным делам осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон при активной роли суда (п. 7 ст. 6, ст. 14 КАС РФ), что означает принятие судом мер для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств в целях правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 63, чч. 8, 12 ст. 226, ч. 1 ст. 306 названного Кодекса).

Таким образом, суды в нарушение указанных процессуальных норм не исследовали доводы административного истца о существенном превышении инвентаризационной стоимости по отношению к кадастровой стоимости и необоснованно удовлетворили заявленные требования в полном объеме.

Определение № 34-КАД21-4-КЗ

61. Несвоевременное получение копии судебного акта, а также состояние здоровья заявителя являются уважительными причинами пропуска срока обращения в суд, установленного ч. 2 ст. 318 КАС РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, удовлетворено заявленное требование государственного бюджетного учреждения здравоохранения о госпитализации Ш. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке.

Считая принятые по делу судебные акты незаконными, Ш. обратилась в суд с кассационной жалобой и ходатайством о восстановлении срока кассационного обжалования.

Определением кассационного суда общей юрисдикции Ш. отказано в восстановлении срока подачи кассационной жалобы, кассационная жалоба возвращена без рассмотрения по существу.

В кассационной жалобе, поступившей в Верховный Суд РФ, Ш. просила отменить определение кассационного суда общей юрисдикции, считая его незаконным.

В соответствии с ч. 2 ст. 327¹ КАС РФ кассационные жалоба, представление на определения, которыми не оканчивается производство по административному делу, и вынесенные по результатам их обжалования судебные акты рассматрива-

ются судьей суда кассационной инстанции единолично без проведения судебного заседания.

Рассмотрев кассационную жалобу Ш., судья Верховного Суда РФ пришел к выводу о необходимости ее удовлетворения по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 318 КАС РФ судебные акты могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции в течение 6 месяцев со дня их вступления в законную силу.

Состоявшиеся по данному административному делу судебные акты вступили в законную силу в день вынесения апелляционного определения — 26 июля 2019 г., следовательно, срок их обжалования в кассационном порядке истек 26 января 2020 г. Кассационная жалоба в кассационный суд общей юрисдикции подана Ш. через суд первой инстанции 21 февраля 2020 г., что подтверждается сформированным официальным сайтом Почты России отчетом об отслеживании почтового отправления. Таким образом, период пропуска срока составил менее месяца.

Одновременно с кассационной жалобой Ш. направлено ходатайство о восстановлении срока кассационного обжалования.

В обоснование просьбы о восстановлении пропущенного процессуального срока Ш. сослалась на невозможность подачи кассационной жалобы в установленный законом срок ввиду плохого самочувствия и несвоевременного получения копии апелляционного определения.

Возвращая без рассмотрения по существу на основании п. 3 ч. 1 ст. 321 КАС РФ жалобу Ш. и отказывая ей в восстановлении срока кассационного обжалования принятых по данному административному делу судебных актов, судья кассационного суда общей юрисдикции исходил из того, что уважительными причинами пропуска такого срока могут быть признаны обстоятельства, объективно исключающие возможность своевременного обращения в суд с кассационной жалобой, не зависящие от лица, обращающегося с ходатайством о восстановлении пропущенного процессуального срока, и не признал в качестве таковых приведенные Ш. причины.

Судья Верховного Суда РФ не согласился с данным определением судьи кассационного суда общей юрисдикции.

Часть 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод.

В развитие конституционной гарантии на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина ч. 1 ст. 4 КАС РФ устанавливает, что каждому заинтересованному лицу гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность.

Правом кассационного обжалования обладают лица, участвующие в деле, и другие лица, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами, в том числе лица, не привлеченные к участию в деле в судах первой и апелляционной инстанций, если судебным актом разрешен вопрос об их правах и обязанностях (ч. 1 ст. 318, п. 4 ч. 1 ст. 310 КАС РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 318 КАС РФ срок подачи кассационной жалобы, пропущенный по уважительной причине лицом, обратившимся с такой жалобой, по его заявлению может быть вос-

становлен судом кассационной инстанции при условии, что обстоятельства, послужившие причиной его пропуска, имели место в период не позднее 12 месяцев со дня вступления обжалуемого судебного акта в законную силу.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 17 “О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”, к указанным выше обстоятельствам, в частности, могут относиться не только обстоятельства, касающиеся личности заявителя, но и другие независимые от него обстоятельства, в силу которых лицо было лишено возможности своевременно обратиться с кассационной жалобой в суд.

Одним из требований к содержанию кассационной жалобы, установленных федеральным законодателем, является необходимость указать, в чем, по мнению лица, подавшего жалобу, состоят основания для отмены или изменения обжалуемых судебных актов (п. 6 ч. 1 ст. 320 КАС РФ).

Следовательно, без копии обжалуемого судебного акта приведенное положение процессуального закона невыполнимо.

В соответствии с ч. 1 ст. 307 КАС РФ суд апелляционной инстанции рассматривает административное дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных данным Кодексом.

Согласно ч. 1 ст. 182 КАС РФ копии решения суда вручаются под расписку лицам, участвующим в деле, их представителям или высылаются им не позднее чем через 3 дня после дня принятия решения суда в окончательной форме, если названным Кодексом не предусмотрено иное.

По смыслу приведенных нормативных положений в целях обеспечения права на обжалование судебных решений принятые по делу судебные акты подлежат направлению лицам, участвующим в деле, так как их отсутствие препятствует своевременной подаче мотивированной жалобы.

Между тем материалы административного дела сведений о направлении в адрес Ш. копии апелляционного определения не содержат.

Приведенные законоположения не были учтены судом кассационной инстанции, как и не было учтено состояние здоровья Ш., что привело к незаконному отказу суда в восстановлении срока кассационного обжалования.

Определение № 5-КАД21-8-К2

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

62. В случае отмены нормативного правового акта, принятого во исполнение ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции”, при производстве по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.29 КоАП РФ, подлежат применению положения ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ, устанавливающие, что закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, должностное лицо общества с ограниченной ответственностью И. признана

виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, и подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, И. просила отменить указанные судебные акты, ссылаясь на их незаконность.

Изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, судья Верховного Суда РФ пришел к следующим выводам.

В соответствии со ст. 19.29 КоАП РФ (все нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения И. к административной ответственности) привлечение работодателем либо заказчиком работ (услуг) к трудовой деятельности на условиях трудового договора либо к выполнению работ или оказанию услуг на условиях гражданско-правового договора государственного или муниципального служащего, замещающего должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами, либо бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего такую должность, с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», влечет наложение административного штрафа.

В силу ч. 4 ст. 12 названного Закона работодатель при заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг), указанного в ч. 1 данной статьи, с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение 2 лет после его увольнения с государственной или муниципальной службы обязан в десятидневный срок сообщать о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Приказом Министра обороны РФ от 4 апреля 2016 г. № 175 «О Перечне воинских должностей, должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, при замещении которых военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие, работники, а также граждане при назначении на должности в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» определен перечень соответствующих должностей.

К таким должностям, в числе прочих, относится должность помощника военного комиссара, начальника отдела (отделения) (раздел 3 приложения № 1 к названному выше приказу).

В ходе проведенной проверки установлено, что 7 июня 2019 г. между обществом с ограниченной ответственностью (работодателем) и Ш. (работником) заключен трудовой договор.

Ранее Ш. занимала должность помощника начальника отделения военного комиссариата.

Должностное лицо работодателя И. в нарушение приведенных норм не сообщила представителю нанимателя (работодателю) по последнему месту службы Ш. о заключении с ней трудового договора, что послужило основанием для привлечения И. к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 КоАП РФ.

Вместе с тем в соответствии с ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, т.е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено.

Приказ Министра обороны РФ от 4 апреля 2016 г. № 175, в соответствии с которым должность помощника начальника отделения относилась к должностям, при замещении которых граждане обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, с 5 января 2020 г. утратил силу в связи с изданием приказа Министра обороны РФ от 21 ноября 2019 г. № 685 «Об утверждении Перечня воинских должностей, должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, должностей работников в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, при назначении на которые и при замещении которых военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие и работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей».

При этом в приказ Министра обороны РФ от 21 ноября 2019 г. № 685 ранее занимаемая Ш. должность включена не была.

Таким образом, на момент вынесения мировым судьей постановления о привлечении И. к административной ответственности (9 июня 2020 г.) обязанность сообщить представителю нанимателя (работодателю) по последнему месту службы Ш. о заключении с ней трудового договора отсутствовала.

Данному обстоятельству надлежащая правовая оценка не дана, в связи с чем судебные акты, состоявшиеся в отношении И., о привлечении ее к административной ответственности на основании ст. 19.29 КоАП РФ отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено.

Постановление № 57-АД21-4-К1

63. Исполнение обязанности, предусмотренной ч. 4 ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», возложено законом на все организации независимо от их организационно-правовой формы.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, учреждение признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ,

и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, руководитель учреждения просил об отмене указанных судебных актов.

Отказывая 23 сентября 2021 г. в удовлетворении поданной жалобы, судья Верховного Суда РФ исходил из следующего.

В соответствии со ст. 19.29 КоАП РФ (все нормы, цитируемые в постановлении, приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения учреждения к административной ответственности) привлечение работодателем либо заказчиком работ (услуг) к трудовой деятельности на условиях трудового договора либо к выполнению работ или оказанию услуг на условиях гражданско-правового договора государственного или муниципального служащего, замещающего должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами, либо бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего такую должность, с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», влечет наложение административного штрафа.

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 46 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснено, что исходя из взаимосвязанных положений чч. 4 и 5 ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, выражается в неисполнении работодателем при привлечении к трудовой деятельности на условиях трудового договора или гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) на выполнение работ (оказание услуг) в течение месяца стоимостью более 100 000 руб. гражданина, замещавшего должности государственной (муниципальной) службы, перечень которых установлен нормативными правовыми актами Российской Федерации (далее — бывший государственный (муниципальный) служащий), обязанности сообщать в десятидневный срок о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного (муниципального) служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение 2 лет после его увольнения с государственной (муниципальной) службы.

Согласно п. 5 названного постановления Пленума ограничения, налагаемые на бывшего государственного (муниципального) служащего, установлены в целях противодействия коррупции при осуществлении данным лицом деятельности или выполнении работ (оказании услуг) в сфере, не связанной с обеспечением исполнения государственных или иных публичных полномочий. В связи с этим обязанность по направлению сообщения о заключении с бывшим государственным (муниципальным) служащим трудового (гражданско-правового) договора представителю нанимателя (работодателю) по последнему месту службы данного лица не распространяется на государственные (муниципальные) органы, в том числе в случае, когда бывший государственный (муниципальный) служащий трудоустроивается в данный

орган на должность, не относящуюся к должностям государственной (муниципальной) службы, либо заключает с указанным органом гражданско-правовой договор (договоры).

При этом исходя из смысла ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанность, предусмотренную ч. 4 названной статьи, несут организации независимо от их организационно-правовой формы.

Основанием для привлечения учреждения к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ послужили изложенные в обжалуемых актах выводы о том, что в нарушение положений ч. 4 ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» учреждение в установленный срок не направило в МВД России по субъекту Российской Федерации уведомление о заключении трудового договора с 3., ранее замещавшим должность оперуполномоченного отдела МВД России по субъекту Российской Федерации, включенную в перечень должностей, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Указанные обстоятельства подтверждаются собранными доказательствами, оцененными в совокупности с другими материалами дела об административном правонарушении по правилам ст. 26.11 КоАП РФ.

В связи с изложенным состоявшиеся по делу об административном правонарушении судебные акты оставлены без изменения.

Постановление № 49-АД21-13-К6

64. Наличие существенных нарушений процессуальных требований Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, допущенных при рассмотрении дела об административном правонарушении, может повлечь отмену вступившего в законную силу постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении и направление дела на новое рассмотрение в пределах срока давности привлечения к административной ответственности.

Постановлением судьи городского суда, оставленным без изменения решением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 14.1¹ КоАП РФ, в отношении общества прекращено в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

В соответствии с ч. 4 ст. 14.1¹ КоАП РФ (нормы, цитируемые в постановлении, приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности) осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах с грубым нарушением условий, предусмотренных лицензией, влечет наложение административного штрафа.

Согласно протоколу об административном правонарушении в ИФНС России поступили материалы, по результатам изучения которых было установлено, что в пункте приема ставок букмекерской конторы допущено грубое нарушение лицензионных требований.

При рассмотрении дела судья городского суда пришел к выводу о том, что в протоколе об административном правонарушении отсутствует описание обстоятельств вмененного обществу правонарушения, имеются противоречия в дате совершения административного правонарушения, в представленных материалах отсутствует оригинал заключения эксперта, и прекратил производство

по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, должностное лицо, направившее дело на рассмотрение судье, просило отменить судебные акты, вынесенные в отношении общества, считая их незаконными, а дело направить на новое рассмотрение.

Удовлетворяя жалобу, судья Верховного Суда РФ исходил из следующего.

В силу ст. 24.1 КоАП РФ задачами производства по делам об административных правонарушениях являются, в частности, всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом.

Доказательствами по делу об административном правонарушении согласно ст. 26.2 КоАП РФ являются любые фактические данные, на основании которых устанавливаются наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными названным Кодексом, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами.

Согласно ч. 1 ст. 28.2 КоАП РФ о совершении административного правонарушения составляется протокол, за исключением случаев, предусмотренных ст. 28.4, чч. 1, 3 и 4 ст. 28.6 названного Кодекса.

В силу ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ в протоколе об административном правонарушении указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие, место, время совершения и событие административного правонарушения, статья названного Кодекса или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение, объяснение физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых возбуждено дело, иные сведения, необходимые для разрешения дела.

Судьей Верховного Суда РФ было установлено, что в протоколе об административном правонарушении содержатся все сведения, перечисленные в ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, в том числе описание события вменяемого административного правонарушения.

В соответствии со ст. 29.4 КоАП РФ при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении в случае необходимости выносятся определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в случае составления протокола и оформления других материалов дела неправомочными лицами, неправильного составления протокола и оформления других материалов дела либо неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела.

Установив, что протокол об административном правонарушении содержит неполное описание события административного правонарушения, материалы, приложенные к протоколу, представлены неполно, судья городского суда должен был вынести определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела должностному лицу, которое составило протокол.

Однако судья городского суда принял материалы к производству, рассмотрел дело по существу с вынесением постановления.

При этом согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” несущественными являются такие недостатки протокола, которые могут быть восполнены при рассмотрении дела по существу.

Таким образом, при рассмотрении дела судья городского суда не был лишен возможности истребовать необходимые материалы, в том числе заключение эксперта, допросить в качестве свидетеля лицо, составившее протокол об административном правонарушении, установить все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в числе прочего уточнить дату совершения административного правонарушения.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, по смыслу положений ст. 46, ч. 1 ст. 50, ст. 55 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4 ноября 1950 г.) произвольное изменение правового режима для лица, в отношении которого вынесено окончательное постановление, невозможно, поворот к худшему для осужденного (оправданного) при пересмотре вступившего в законную силу постановления, как правило, недопустим.

Вместе с тем Конвенция о защите прав человека и основных свобод устанавливает в п. 2 ст. 4 Протокола № 7 (в редакции Протокола № 11), что право не быть повторно осужденным или наказанным не препятствует повторному рассмотрению дела на основании закона соответствующего государства, в том числе если в ходе предыдущего разбирательства было допущено существенное нарушение, повлиявшее на исход дела.

Требования правовой определенности и стабильности не являются абсолютными и не препятствуют возобновлению производства по делу, в частности, при обнаружении существенных нарушений, которые были допущены на предыдущих стадиях процесса и привели к неправильному разрешению дела.

При рассмотрении данного дела об административном правонарушении судьей городского суда и вышестоящими судебными инстанциями требования ст.ст. 24.1 и 26.1 КоАП РФ о выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, соблюдены не были.

Допущенное судьей городского суда нарушение требований Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях является существенным и повлияло на разрешение дела.

Данным Кодексом по результатам рассмотрения жалобы, протеста на вступившие в законную силу акты по делу об административном правонарушении также предусмотрен единственный случай вынесения решения об отмене постановления по делу об административном правонарушении,

решения по результатам рассмотрения жалобы, протеста и о возвращении дела на новое рассмотрение. Таким случаем в силу п. 3 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ является существенное нарушение предусмотренных названным Кодексом процессуальных требований, если это не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело.

Поскольку на момент рассмотрения в Верховном Суде РФ жалобы должностного лица срок давности привлечения общества к административной ответственности, установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ для данной категории дел, не истек, дело было возвращено на новое рассмотрение судье городского суда.

Постановление № 4-АД21-18-К1

65. При привлечении к административной ответственности по ч. 3 ст. 5.27¹ КоАП РФ за допуск работника к исполнению им трудовых обязанностей без прохождения в установленном порядке обучения и проверки знаний требований охраны труда необходимо проверять наличие либо отсутствие предусмотренных законодательством Российской Федерации оснований для освобождения работодателя от проведения обучения и проверки знаний требований охраны труда его работниками.

Постановлением заместителя начальника отдела Государственной инспекции труда общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 5.27¹ КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа. Решением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи субъекта Российской Федерации и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, постановление должностного лица изменено в части назначения наказания, размер наложенного административного штрафа снижен.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, директор и защитник общества просили об отмене постановления должностного лица и судебных решений, вынесенных в отношении общества, приводя доводы об их незаконности.

Судья Верховного Суда РФ не нашел оснований для удовлетворения поданной жалобы, при этом указав следующее.

В соответствии с ч. 3 ст. 5.27¹ КоАП РФ допуск работника к исполнению им трудовых обязанностей без прохождения в установленном порядке обучения и проверки знаний требований охраны труда, а также обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических (в течение трудовой деятельности) медицинских осмотров, обязательных медицинских осмотров в начале рабочего дня (смены), обязательных психиатрических освидетельствований или при наличии медицинских противопоказаний влечет наложение административного штрафа.

Согласно ч. 2 ст. 22 ТК РФ работодатель обязан в числе прочего соблюдать трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, соглашений и трудовых договоров; обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда.

Частями 1 и 2 ст. 212 ТК РФ предусмотрено, что обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда возлагаются на работодателя. Работодатель обязан обеспечить: обучение безопасным методам и приемам выполнения ра-

бот и оказанию первой помощи пострадавшим на производстве, проведение инструктажа по охране труда, стажировки на рабочем месте и проверки знания требований охраны труда; недопущение к работе лиц, не прошедших в установленном порядке обучение и инструктаж по охране труда, стажировку и проверку знаний требований охраны труда.

Постановлением Минтруда России и Минобрразования России от 13 января 2003 г. № 1/29 утверждён Порядок обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций (далее — Порядок обучения по охране труда).

В соответствии с п. 2.1.4 Порядка обучения по охране труда первичный инструктаж на рабочем месте проводится до начала самостоятельной работы, в том числе со всеми вновь принятыми в организацию работниками.

По результатам внеплановой документальной проверки, проведенной должностными лицами Государственной инспекции труда, выявлено, что С., принятый на работу в общество в ноябре 2019 г., в нарушение приведенных выше норм допущен к исполнению трудовых обязанностей без прохождения в установленном порядке первичного инструктажа до начала самостоятельной работы.

Данное обстоятельство подтверждено собранными по делу доказательствами: протоколом об административном правонарушении, актом проверки, копией журнала регистрации инструктажа на рабочем месте в обществе, актом расследования несчастного случая со смертельным исходом и иными материалами дела, которые оценены по правилам ст. 26.11 КоАП РФ с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

В жалобе директора и защитника общества указано на необоснованность привлечения общества к административной ответственности за нарушение нормативных требований охраны труда в связи с тем, что, по их мнению, в силу, в частности, п. 1.6 Порядка обучения по охране труда проведение работнику С. первичного инструктажа не требовалось.

Данный довод являлся предметом проверки на предыдущих стадиях производства по делу и не был признан обоснованным по следующим основаниям.

Пунктом 1.6 Порядка обучения по охране труда установлено, что работники, имеющие квалификацию инженера (специалиста) по безопасности технологических процессов и производств или по охране труда, а также работники федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области охраны труда, государственного надзора и контроля, педагогические работники образовательных учреждений, осуществляющие преподавание дисциплины «охрана труда», имеющие непрерывный стаж работы в области охраны труда не менее 5 лет, в течение года после поступления на работу могут не проходить обучение по охране труда и проверку знаний требований охраны труда.

Приказом Минтруда России от 4 августа 2014 г. № 524н утверждён профессиональный стандарт «Специалист в области охраны труда» (действовавший на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для возбуждения дела об административном правонарушении, утративший силу с 1 сентября 2021 г. в связи с изданием

приказа Минтруда России от 22 апреля 2021 г. № 274н).

Согласно требованиям к образованию и обучению, установленным данным профессиональным стандартом, специалист в области охраны труда должен иметь высшее образование по направлению подготовки “Техносферная безопасность” или соответствующим ему направлениям подготовки (специальностям) по обеспечению безопасности производственной деятельности либо высшее образование и дополнительное профессиональное образование (профессиональная переподготовка) в области охраны труда либо среднее профессиональное образование и дополнительное профессиональное образование (профессиональная переподготовка) в области охраны труда.

В обоснование приведенного довода заявителя ссылались на наличие у С. стажа работы в должности инженера по охране труда в различных организациях (с 2010 года), высшего технического образования и квалификации “Инженер по специальности “Машины и аппараты пищевых производств”, а также дополнительного образования по вопросам охраны труда.

Вместе с тем, как отражено в решениях, принятых по результатам разрешения жалоб на постановление должностного лица о назначении административного наказания, перечисленные обстоятельства не дают оснований для отнесения С. к работникам, к которым могут быть применены положения п. 1.6 Порядка обучения по охране труда.

Было установлено, что С. не имеет указанного в профессиональном стандарте высшего образования по направлению подготовки “Техносферная безопасность” или соответствующим ему направлениям подготовки (специальностям) по обеспечению безопасности производственной деятельности.

Исходя из требований профессионального стандарта при наличии у работника непрофильного высшего образования необходимо дополнительное профессиональное образование в области охраны труда.

В 2017 году С. прошел профессиональную переподготовку, и ему выдан диплом о профессиональной переподготовке, предоставляющий право на ведение профессиональной деятельности в сфере “Охрана труда”. Однако с момента окончания профессиональной переподготовки до принятия на работу в общество С. не имел требуемого стажа работы в соответствующей области.

В связи с этим судебные инстанции пришли к обоснованному выводу об отсутствии оснований для применения положений п. 1.6 Порядка обучения по охране труда, в том числе при наличии приведенных обстоятельств, касающихся образования С. и периода его трудовой деятельности в области охраны труда.

Постановление № 11-АД21-30-К6

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

66. Разрешение вопроса увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию не требует его аттестации и составления на него в этих целях аттестационного листа.

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 2 августа 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением Централь-

ного окружного военного суда от 6 ноября 2019 г., удовлетворено административное исковое заявление Ф. в той части, в которой она просила признать незаконными решения (заключения) аттестационной комиссии федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования “Курганский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации” (далее — Пограничный институт) от 23 апреля и 26 июня 2019 г. о признании неуважительными заявленных административным истцом причин для увольнения по собственному желанию.

Кассационным определением Кассационного военного суда от 25 июня 2020 г. судебные акты отменены без изменения.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе начальника Пограничного института, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ судебные акты в указанной части отменила и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении требований Ф. по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Пограничного института Ф., проходившая военную службу по контракту, 29 марта 2019 г. обратилась по команде с рапортом об увольнении с военной службы по собственному желанию.

В обоснование рапорта она указала на несовместимость военной службы и научной деятельности, отсутствие перспектив защиты подготовленной ею диссертации в ведомственных образовательных организациях, невозможность соблюдения установленных требований к научно-квалификационным работникам без ущерба исполнению обязанностей военной службы.

Рапорт рассмотрен на заседании аттестационной комиссии Пограничного института 23 апреля 2019 г. с участием Ф.

По результатам рассмотрения рапорта комиссия дала заключение, которым признала неуважительными указанные административным истцом причины для увольнения по собственному желанию, и рекомендовала начальнику Пограничного института отказать административному истцу в досрочном увольнении с военной службы.

30 апреля 2019 г. начальником Пограничного института проведена с Ф. беседа, в ходе которой с учетом заключения аттестационной комиссии, признавшей изложенные в рапорте причины неуважительными, ей были разъяснены основания для отказа в удовлетворении просьбы об увольнении. Результаты беседы и принятое решение об отказе административному истцу в увольнении отражены в справке о беседе.

24 мая 2019 г. Ф. повторно обратилась с рапортом об увольнении по собственному желанию в связи с несовместимостью военной службы с научной деятельностью, невозможностью соблюдения установленных требований к научно-квалификационным работникам без ущерба исполнению обязанностей военной службы, прекращением работы специального диссертационного совета по месту подготовки диссертации и отсутствием заинтересованности других ведомственных образовательных организаций в ее защите.

Заключением комиссии от 26 июня 2019 г. ей вновь отказано в признании уважительными заявленных ею причин для увольнения с военной службы. В тот же день заключение комиссии и решение начальника Пограничного института дове-

дены до сведения административного истца начальником отдела кадров института.

Перед заседаниями обеих аттестационных комиссий аттестационные листы на Ф. не составлялись, а заключения комиссий начальником Пограничного института не утверждались.

Принимая решение в части удовлетворения административного искового заявления, суд первой инстанции исходил из того, что проведению аттестации Ф. в нарушение закона не предшествовали составление аттестационных листов (с отзывами) и ознакомление с ними административного истца.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции в определении дополнительно указал, что для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию является обязательным проведение аттестации с целью оценки причин, которые могут служить основанием для такого увольнения. В соответствии с единым порядком проведения аттестации на аттестуемого военнослужащего составляется аттестационный лист, представляемый на утверждение. Военнослужащий должен быть ознакомлен с содержанием аттестации, о чем расписывается в утвержденном аттестационном листе.

На необходимость в соответствии с законодательством оценки в рамках аттестации наличия уважительных причин для увольнения с военной службы по собственному желанию указал и Кассационный военный суд.

Такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

Как следует из административного искового заявления, уточнения к нему и объяснений административного истца в судебном заседании, поводом для ее обращения в суд явилось в том числе несогласие с порядком проведения и выводами аттестационной комиссии по результатам рассмотрения рапортов об увольнении с военной службы по собственному желанию.

Согласно п. 6 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, по заключению аттестационной комиссии может быть уволен с военной службы досрочно по собственному желанию при наличии у него уважительных причин.

Следовательно, рассмотрение вопроса о досрочном увольнении военнослужащего по собственному желанию и об уважительности причин такого увольнения законом отнесено к компетенции аттестационной комиссии, на что обосновано указано в судебных актах.

Однако, верно установив названное обстоятельство, суды в результате неправильного толкования норм материального права пришли к ошибочному выводу о необходимости рассмотрения этого вопроса исключительно в рамках процедуры аттестации административного истца.

Между тем в соответствии с п. 1 ст. 27 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее — Положение), аттестационные комиссии создаются в воинских частях как для проведения аттестации, так и для решения иных вопросов прохождения военной службы.

Аттестация в силу п. 1 ст. 26 Положения проводится в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспек-

тив дальнейшего служебного использования, а также определения предназначения граждан, пребывающих в запасе.

Из содержания названной правовой нормы следует, что аттестация военнослужащего проводится в строго определенных случаях и рассмотрение причин, по которым военнослужащий полагает невозможным дальнейшее прохождение военной службы, к этим случаям не отнесено.

При этом в соответствии с п. 3 ст. 27 Положения в компетенцию аттестационной комиссии помимо аттестации военнослужащих отнесены иные вопросы, в частности, вопросы, для решения которых требуются заключения аттестационной комиссии, либо вопросы, связанные с прохождением военнослужащими военной службы, в случаях, предусмотренных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, или по решению командира воинской части.

Поскольку в силу закона вопросы увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию являются прерогативой аттестационной комиссии, их рассмотрение Положением отнесено к иным вопросам, входящим в компетенцию аттестационной комиссии и не требующим для их разрешения аттестации военнослужащего и составления в этих целях аттестационного листа.

Как следует из названных норм права, заседание аттестационной комиссии должно быть организовано и проведено на основе общих принципов правовых процедур, предполагающих обязанность своевременного информирования подавшего рапорт об увольнении военнослужащего о времени и месте проведения заседания и заслушивания его позиции. При этом в рамках названного заседания аттестационной комиссии не производится оценка военнослужащего, а оценивается лишь уважительность причин его увольнения по собственному желанию.

В суде установлено, что Ф. была проинформирована о заседаниях комиссии и ей предоставлена возможность обосновать уважительность причин, по которым она полагала невозможным дальнейшее прохождение военной службы. С заключениями комиссии, носящими рекомендательный характер, административный истец была ознакомлена: 30 апреля 2019 г. непосредственно начальником Пограничного института, а 26 июня 2019 г. начальником отдела кадров института, каждый раз с доведением до сведения Ф. мотивированного решения об отказе в удовлетворении содержащейся в рапортах просьбы об увольнении.

Таким образом, вывод в судебных актах о необходимости проведения аттестации административного истца основан на неправильном истолковании норм материального права.

Из изложенного следует, что заседания аттестационной комиссии по рассмотрению рапортов административного истца об увольнении с военной службы по собственному желанию и доведение до ее сведения результатов аттестационной комиссии проведены с соблюдением установленного порядка и прав Ф. не нарушают.

Определение № 223-КА21-1-К10

67. Установленные судом по ранее рассмотренному делу обстоятельства, связанные с признанием военнослужащего нуждающимся в жилом помещении, не подлежат оспариванию при рассмотрении административного дела, с участием лиц, в отношении которых установлены эти обстоятельства.

Решением Нижегородского гарнизонного военного суда от 10 февраля 2020 г. удовлетворено административное исковое заявление П., в котором она просила признать незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 15 ноября 2019 г. о снятии ее с учета нуждающихся в жилых помещениях в связи с утратой ею оснований, дающих право на получение жилого помещения по договору социального найма.

Апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда от 28 мая 2020 г., оставленным без изменения кассационным определением Кассационного военного суда от 8 сентября 2020 г., решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе П. в удовлетворении административного искового заявления.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций отменила и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что П., общая продолжительность военной службы которой составляет более 10 лет, в связи с предстоящим увольнением в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями обратилась по команде с рапортом о признании ее нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

Решением жилищной комиссии воинской части от 22 декабря 2015 г. П. отказано в признании нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма. Основанием к отказу послужило наличие в собственности ее супруга жилого помещения.

Данное решение П. оспорила в судебном порядке.

Признавая решение жилищного органа незаконным, Нижегородский гарнизонный военный суд установил и в решении от 19 августа 2015 г. указал, что на момент возникновения спорных правоотношений у супруга административного истца находилась в собственности квартира, в которой П., двое ее детей, 2005 и 2011 года рождения, не проживали. Квартира расположена в населенном пункте, отличном от места военной службы и последующего места жительства административного истца.

После вступления судебного акта в силу решением жилищной комиссии воинской части от 28 апреля 2016 г. П. признана нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, в составе семьи из 3 человек (она и двое несовершеннолетних детей).

Однако решением жилищной комиссии воинской части от 15 ноября 2019 г. П. снята с жилищного учета в связи с наличием в собственности ее супруга жилого помещения.

Разрешая требования П. и удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что обстоятельства, связанные с нуждаемостью административного истца в жилом помещении при обеспеченности ее супруга жильем, ранее были установлены вступившим в законную силу решением суда и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого административного дела.

Кроме того, суд указал, что изменений жилищных условий П. и ее детей с момента признания их в апреле 2016 г. нуждающимися в жилом помеще-

нии и до момента снятия с жилищного учета не произошло.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции посчитал, что решение гарнизонного военного суда от 19 августа 2015 г. в отсутствие оснований для оставления административного истца на жилищном учете преюдициального значения не имеет, поскольку оно вынесено по другому делу, в котором обжалуемое решение жилищной комиссии воинской части от 15 ноября 2019 г. предметом рассмотрения не являлось.

При этом судом апелляционной инстанции оставлено без внимания, что в указанном решении жилищной комиссии от 15 ноября 2019 г. приведены те же основания, которые были установлены судом первой инстанции при рассмотрении заявления П. об оспаривании решения жилищной комиссии воинской части от 22 декабря 2015 г. и которые явились основанием для удовлетворения ее требований.

Таким образом, вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному административному делу установлены обстоятельства, которые являются предметом доказывания по данному делу.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно ч. 2 ст. 64 КАС РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному им гражданскому или административному делу либо по делу, рассмотренному ранее арбитражным судом, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении судом другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства, или лица, относящиеся к категории лиц, в отношении которой установлены эти обстоятельства.

При таких данных установленные ранее судом обстоятельства, связанные с признанием П. нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, не подлежали установлению при рассмотрении административного дела, что не было учтено судом апелляционной инстанции.

Оставление жилищной комиссией без внимания вступившего в законную силу судебного акта от 19 августа 2015 г., что, по сути, явилось поводом к оспариванию административным истцом решения жилищного органа от 15 ноября 2019 г., не освобождало суд апелляционной инстанции от обязанности применения при рассмотрении данного дела предписаний ст. 64 КАС РФ.

Иная оценка окружным военным судом и Кассационным военным судом приведенных выше доказательств не является основанием для неприменения решения Нижегородского гарнизонного военного суда от 19 августа 2015 г., которое вступило в законную силу и не отменено.

Таким образом, данное решение гарнизонного военного суда в силу ст. 84 КАС РФ подлежало оценке наряду с другими доказательствами по делу, чего судом апелляционной инстанции сделано не было.

Это обстоятельство явилось основанием для отмены в кассационном порядке апелляционного определения 2-го Западного окружного военного суда от 28 мая 2020 г. и кассационного определения Кассационного военного суда от 8 сентября 2020 г. и направления дела в окружной военный суд на новое рассмотрение в апелляционном порядке.

Определение № 222-КА21-11-К10

По уголовным делам

68. Назначение судом максимального наказания при наличии смягчающих наказание обстоятельств, положительных данных о личности виновного и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств повлекло изменение приговора.

По вступившему в законную силу приговору Приволжского окружного военного суда от 13 июня 2018 г. У. осужден по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ к лишению свободы на срок пять лет в исправительной колонии строгого режима за приготовление к участию на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, приговор изменила, смягчила назначенное У. наказание до четырех лет десяти месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, приведя в обоснование следующие доводы.

Как усматривается из материалов дела, в судебном заседании осужденный У. свою вину в совершении инкриминируемого ему деяния признал полностью и дал показания, положенные судом в основу приговора, которые в совокупности с иными доказательствами послужили основанием для вывода о его виновности в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ.

При назначении наказания в виде лишения свободы окружной военный суд указал, что учитывает положительные данные, характеризующие личность У., молодой возраст осужденного, влияние назначенного наказания на его исправление и условия жизни семьи.

Также в соответствии с п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ суд признал обстоятельством, смягчающим наказание У., его активное способствование раскрытию и расследованию преступления, в связи с чем пришел к выводу о необходимости применения положений ч. 2 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ.

Однако, не найдя оснований для применения к У. положений ч. 6 ст. 15, ст.ст. 64 и 73 УК РФ и не установив отягчающих наказание обстоятельств, суд назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок пять лет в исправительной колонии строгого режима.

Между тем в соответствии с ч. 2 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств максимальный срок наиболее строгого вида наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ, составляет пять лет лишения свободы.

Следовательно, при наличии смягчающих наказание обстоятельств, положительных данных о личности У. и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств суд назначил осужденному за совершенное им преступление максимальное наказание.

Это обстоятельство свидетельствует о фактическом оставлении судом без учета положительных данных о личности У. и занятой им позиции по делу, в связи с чем назначенное ему наказание по своему размеру является несправедливым вследствие чрезмерной суровости.

Определение № 223-УД21-6

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос. Может ли отраслевое соглашение, заключенное Общероссийским отраслевым объединением работодателей в области права и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих “Российский антикризисный союз” и Общероссийским профсоюзом арбитражных управляющих, быть признано отраслевым соглашением по смыслу ст. 45 ТК РФ, являющимся основанием для повышения арбитражным судом суммы фиксированного вознаграждения арбитражного управляющего в соответствии со ст. 20⁶ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”?

Ответ. В соответствии со ст. 45 ТК РФ соглашение — правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения и устанавливающий общие принципы регулирования связанных с ними экономических отношений, заключаемый между полномочными представителями работников и работодателей на федеральном, межрегиональном, региональном, отраслевом (межотраслевом) и территориальном уровнях социального партнерства в пределах их компетенции. Отраслевое (межотраслевое) соглашение устанавливает общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам отрасли (отраслей).

Согласно п. 1 ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) арбитражным управляющим признается гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую данным Законом профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой.

Вознаграждение в деле о банкротстве выплачивается арбитражному управляющему в соответствии с положениями ст. 20⁶ Закона о банкротстве за счет средств должника, если иное не предусмотрено названным Законом.

Порядок утверждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве, установленный ст. 45 Закона о банкротстве, не предусматривает заключение с ним трудового договора.

В силу п. 5 ст. 20⁶ указанного Закона увеличение фиксированной суммы вознаграждения допускается исключительно в случае, если совокупностью представленных в материалы дела доказательств подтверждается неординарность конкретного дела о банкротстве, предполагающая существенное повышение объема и сложности проводимых арбитражным управляющим в рамках процедуры банкротства мероприятий. Закон о банкротстве не предусматривает такую возможность в случае достижения тех или иных договоренностей между арбитражными управляющими и их саморегулируемыми организациями.

Таким образом, деятельность арбитражных управляющих не регулируется трудовым законодательством. Поэтому положения отраслевого соглашения, заключенного Общероссийским отраслевым объединением работодателей в области права и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих “Российский антикризисный союз” и Общероссийским профсоюзом арбитражных управляющих, в том числе коэффициенты для расчета вознаграждения, сами по себе не могут быть положены в основу увеличения размера фиксированного вознаграждения арбитражного управляющего, участвующего в деле о банкротстве, и, следовательно, не являются основанием для повышения арбитражным судом суммы фиксированного вознаграждения арбитражного управляющего в соответствии со ст. 20⁶ Закона о банкротстве.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
10 ноября 2021 г.)*

ОБЗОР ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Анализ практики рассмотрения судами уголовных дел и материалов в порядке уголовного судопроизводства показывает, что суды Российской Федерации руководствуются прежде всего Конституцией Российской Федерации, законодательными актами Российской Федерации, предусматривающими возможность судам обращаться к общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации (далее также — нормы международного права), разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 “О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия” (далее — постановление Пленума от 31 октября 1995 г. № 8), от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” (далее — постановление Пленума от 10 октября 2003 г. № 5), от 27 июня 2013 г. № 21 “О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней” (далее — постановление Пленума от 27 июня 2013 г. № 21), а также в других постановлениях, в которых разъяснялись положения норм международного права.

В ходе рассмотрения уголовных дел суды применяли нормы международного права при разрешении вопросов как материального, так и процессуального характера.

При этом суды руководствовались положениями тех международных договоров Российской Федерации, которые вступили в силу для Российской Федерации и были официально опубликованы.

В случае если международным договором Российской Федерации, согласие на обязательность которого было выражено в форме принятия федерального закона, предусматривались иные правила, нежели установленные законом, суды применяли правила международного договора. В свою очередь, если международным договором Российской Федерации, согласие на обязательность которого не было выражено в форме принятия федерального закона, предусматривались иные правила, нежели установленные законом, суды руководствовались законом.

При толковании международного договора Российской Федерации суды принимали во внимание положения Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (далее — Венская конвенция) и, в частности, подп. “b” п. 3 ст. 31, в силу которого при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования. В связи с этим суды учитывали практику Европейского Суда по правам человека (далее также — Европейский Суд, Суд), иных международных договорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, формируемую по делам в отношении как Российской Федерации, так и третьих государств.

Изучение судебной практики также показало, что нарушение нормы международного права, выразившееся в неприменении нормы, подлежащей применению, или, напротив, в применении судом нормы международного права, не подлежащей применению, либо когда судом было дано неправильное толкование такой нормы, являлось основанием для отмены или изменения судебного решения.

Кроме того, суды учитывали содержание норм международного права, а также их интерпретацию международными договорными органами при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Общие положения

Суды руководствуются положениями международного договора, которые регулируют вопросы, ставшие предметом судебного разбирательства, при условии вступления такого договора в силу как для Российской Федерации, так и для иностранного государства.

В соответствии с п. “а” ст. 2 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации” (в редакции от 8 декабря 2020 г.; далее — Федеральный закон о международных договорах) “международный договор Российской Федерации” означает международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры (далее — иное образование), в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. При этом согласно п. “г” ст. 2 упомянутого Закона “заключение” означает выражение согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора”.

Согласно абз. 3 п. 3 постановления Пленума от 10 октября 2003 г. № 5 при рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации.

Органами предварительного следствия С. обвинялся в совершении убийства из корыстных побуждений двух лиц. Постановлением Иркутского областного суда от 17 мая 2019 г. уголовное дело и уголовное преследование в отношении С. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пп. “а”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, прекращено в связи с наличием в отношении него вступившего в законную силу оправдательного приговора Верховного суда Республики Абхазия от 3 мая 2011 г. по тому же обвинению.

Принимая решение о прекращении уголовного дела в отношении С., суд сослался на положения, закрепленные в ч. 2 ст. 6 УК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 27, п. 1 ст. 254 УПК РФ, согласно которым никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление, уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению.

При этом, принимая решение о прекращении уголовного дела, суд первой инстанции также сослался на положения Договора между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 28 мая 2015 г., в п. 7 ст. 7 которого предусмотрено, что, если после получения запроса об осуществлении уголовного преследования в отношении указанного в нем лица вынесено и вступило в законную силу решение судебного органа запрашиваемой Стороны, компетентные органы запрашивающей Стороны не могут осуществлять уголовное преследование в отношении этого лица за то же деяние.

Согласно п. 4 ст. 1 указанного Договора он применяется в отношении запросов, поступивших после даты вступления данного Договора в силу, даже если они связаны с преступлением, совершенным до даты вступления названного Договора в силу. Таким образом, исходя из закрепленных в Договоре положений, при решении вопроса о признании на территории Российской Федерации судебных решений Республики Абхазия определяющее значение имеет время направления запроса. В этой связи Российской Федерацией признаются такие приговоры и иные судебные решения Республики Абхазия, которые были вынесены по запросам, направленным после 3 января 2017 г. (дата вступления в силу указанного Договора для Российской Федерации и Республики Абхазия), даже если они связаны с преступлением, совершенным до этой даты.

Установленные судом по рассматриваемому делу обстоятельства свидетельствовали о том, что оправдательный приговор в отношении С. постановлен Верховным судом Республики Абхазия 3 мая 2011 г., т.е. до даты вступления в силу Договора о правовой помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия.

При таких данных ссылка суда первой инстанции на то, что положения Договора применяются в отношении преступлений, совершенных до даты вступления Договора в силу, является несостоятельной, поскольку указанное положение Договора относится к запросам, направленным после даты вступления Договора в силу.

Учитывая в том числе вышеизложенное, Судебная коллегия отменила постановление Иркутского областного суда от 17 мая 2019 г. в отношении С., уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2019 г. № 66-АПУ19-12)¹.

В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 “О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачи лиц для отбывания наказания” (далее — постановление Пленума от 14 июня 2012 г. № 11) внимание судов было обращено на то, что согласно ч. 1 ст. 62 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (далее — Конвенция о правовой помощи от 22 января 1993 г.) срок содержания лица под стражей до получения запроса о выдаче не должен превышать 1 месяц. Если запрашивающее государство является участником Протокола к названной Конвенции, то указанный срок не может превышать 40 дней.

Сроки, на протяжении которых лицо может содержаться под стражей до получения запроса о выдаче, могут также предусматриваться двусторонними международными договорами Российской Федерации. При этом если запрашивающее государство одновременно является участником международного договора Российской Федерации и Европейской конвенции о выдаче, то срок содержания лица под стражей до получения запроса о выдаче не должен превышать 40 дней (ст. 28 Европейской конвенции о выдаче).

Указанные выше сроки подлежат учету судами при определении периода времени нахождения лица под стражей до получения запроса о выдаче.

Как следует из положений ч. 2 ст. 97, ст.ст. 108, 109 и 128 УПК РФ, при отсутствии запроса о выдаче мера пресечения в виде заключения под стражу избирается и в дальнейшем продлевается, в том числе при получении запроса о выдаче, только судом Российской Федерации с указанием, на какой срок и до какой даты избирается (продлевается) данная мера пресечения.

В случае, если Российской Федерацией не был получен в срок, предусмотренный международным договором Российской Федерации, надлежащим образом оформленный запрос о выдаче, лицо подлежит освобождению из-под стражи.

Апелляционная инстанция Московского городского суда рассмотрела представление заместителя Симоновского межрайонного прокурора г. Москвы на постановление Симоновского районного суда г. Москвы от 16 января 2016 г. об избрании Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Изменив указанное постановление районного суда, суд апелляционной инстанции обратил внимание на следующее.

Избирая Ю. меру пресечения в виде заключения под стражу, суд мотивировал свое решение об удовлетворении ходатайства прокурора, основанно сославшись на положения ст. 108 УПК РФ и Конвенции о правовой помощи от 22 января 1993 г., согласно которым лицо, разыскиваемое правоохранительными органами иностранного государства для уголовного преследования за наказуемое по уголовному закону Российской Федерации деяние, может быть заключено под стражу для обеспечения возможности его выдачи при наличии оснований полагать, что данное лицо может скрыться.

Однако, определяя срок действия избранной в отношении Ю. меры пресечения, суд не принял во внимание, что в соответствии со ст. 61 названной Конвенции срок содержания лица, разыскиваемого правоохранительными органами иностранного государства, до получения запроса о его выдаче не может превышать 1 месяц.

Действие указанного положения Конвенции распространяется и на Ю., поскольку запрашивающее государство не являлось участником Протокола к данной Конвенции от 28 марта 1997 г., допускающего возможность содержания находящихся в международном розыске лиц под стражей на более длительный срок — 40 дней.

Суд ошибочно установил срок действия избранной меры пресечения до 23 февраля 2016 г., т.е. на 40 дней. Апелляционная инстанция изменила постановление суда в отношении Ю., сократив срок содержания его под стражей до 1 месяца (постановление Московского городского суда от 11 февраля 2016 г.).

Таким образом, хотя упомянутый Протокол к Конвенции о правовой помощи от 22 января 1993 г., подписанный 28 марта 1997 г., и являлся международным договором Российской Федерации, поскольку в том числе Российская Федерация ранее выразила согласие на его обязательность, запрашивающее государство, направившее запрос о выдаче, на момент рассмотрения дела участником протокола не являлось. Поэтому отношения между Российской Федерацией и “запрашивающим” государством по вопросам выдачи (в части определения срока нахождения лица под стражей в ожидании получения запроса о выдаче) должны были регулироваться положениями Конвенции о правовой помощи от 22 января 1993 г. без учета положений, содержащихся в Протоколе.

Если положения международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого для Российской Федерации было выражено в форме федерального закона, предусматривают иные правила, нежели содержащиеся в законе, то суды применяют положения договора.

Согласно ч. 3 ст. 1 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 419-ФЗ) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные

¹Согласно поступившей информации 28 ноября 2019 г. по делу С. был постановлен обвинительный приговор по подп. “а” и “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ с назначением наказания в виде восемнадцати лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные названным Кодексом, то применяются правила международного договора. Не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом.

В силу п. 5 постановления Пленума от 31 октября 1995 г. № 8 судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Учитывая это, суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором, решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях применяются правила международного договора Российской Федерации.

В абз. 1 п. 8 постановления Пленума от 10 октября 2003 г. № 5 также содержится разъяснение, в соответствии с которым правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации.

Постановлением Московского городского суда от 20 апреля 2018 г. постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче Х. компетентным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности по ст. 422 УК Республики Беларусь признано законным и обоснованным.

В апелляционных жалобах Х. и адвокат, выступавший в защиту его интересов, просили постановление суда отменить. По мнению адвоката, в силу требований п. 2 ст. 56 Конвенции о правовой помощи от 22 января 1993 г., п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ выдача лица может быть произведена, если за совершение деяния уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание, когда выдача лица производится для уголовного преследования. Санкцией ч. 1 ст. 314¹ УК РФ, соответствовавшей квалификации деяния, за которое Х. привлекается к уголовной ответственности на территории Республики Беларусь, предусмотрено наказание до одного года лишения свободы, в связи с чем Х. не подлежал выдаче.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, оставляя апелляционные жалобы без удовлетворения, обратила внимание на следующее.

Деяние, в котором обвиняется Х., содержит признаки преступления, предусмотренного ст. 422 УК Республики Беларусь и, соответственно, ч. 1 ст. 314¹ УК РФ.

Согласно положениям как Уголовного кодекса Республики Беларусь, так и Уголовного кодекса РФ ук-

занные преступные действия наказываются лишением свободы.

Между Российской Федерацией и Республикой Беларусь выдача лиц для уголовного преследования осуществляется на основании международного договора Российской Федерации, в качестве которого выступает Конвенция о правовой помощи от 22 января 1993 г.

В соответствии с п. 2 ст. 56 указанной Конвенции выдача лиц для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание.

В силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Данное конституционное предписание нашло свое отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно ч. 3 ст. 1 УПК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные названным Кодексом, то применяются правила международного договора.

Таким образом, рассматриваемой Конвенцией, согласие на обязательность которой было выражено Российской Федерацией в форме федерального закона, предусматривались иные правила, нежели содержащиеся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Суд первой инстанции обоснованно руководствовался в этом случае правилами международного договора Российской Федерации.

Иное толкование положений п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ и ч. 2 ст. 56 Конвенции о правовой помощи от 22 января 1993 г. могло бы повлечь неисполнение Российской Федерацией своих международных обязательств перед Республикой Беларусь о выдаче лиц за деяния, наказуемые лишением свободы на срок не менее одного года (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 июля 2018 г. № 5-АПУ18-23).

При применении положений международного договора Российской Федерации подлежат учету оговорки и заявления, сформулированные Российской Федерацией при выражении согласия на обязательность такого договора.

Согласно п. 1 ст. 31 Венской конвенции договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Пунктом 1 ст. 31 Федерального закона о международных договорах Российской Федерации предусматривается, что международные договоры Российской Федерации подлежат добросовестному выполнению в соответствии с условиями самих международных договоров, нормами международного права, Конституцией Российской Федерации, указанным Федеральным законом, иными актами законодательства Российской Федерации.

Согласно ст. 19 Венской конвенции государство может при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему формулировать оговорку, за исключением тех случаев, когда: а) данная оговорка запрещается договором; б) договор предусматривает, что можно делать только определенные оговорки, в число которых данная оговорка не входит; или с) — в случаях, не подпадающих под действие пп. "а" и "б", — оговорка несовместима с объектом и целями договора.

В п. 10 постановления Пленума от 10 октября 2003 г. № 5 разъяснено, что толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией (раздел 3; ст.ст. 31—33).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрела материал по апелляционной жалобе А. на постановление Краснодарского краевого суда от 22 ноября 2017 г., по которому жалоба адвоката в защиту А. на постановление заместителя Генерального прокурора РФ от 19 июля 2017 г. о выдаче А. правоохранительным органам Австрийской Республики для привлечения к уголовной ответственности за мошенничество по ст. 146, ч. 2 ст. 147, ст. 148 УК Австрийской Республики оставлена без удовлетворения.

Оставляя без изменения указанное выше постановление Краснодарского краевого суда, Судебная коллегия обратила внимание на следующее.

На основании ст. 12 Европейской конвенции о выдаче в редакции Четвертого дополнительного протокола, вступившего в силу для Российской Федерации 1 сентября 2017 г., а для Австрийской Республики — 1 июня 2016 г., запрос о выдаче должен сопровождаться указанными в данной статье документами, в том числе:

а) копией обвинительного заключения и приговора или постановления о немедленном задержании или ордера на арест или другого постановления, имеющего ту же силу и выданного в соответствии с процедурой, предусмотренной законодательством запрашивающей Стороны;

б) указанием преступлений, в связи с которыми запрашивается выдача. Время и место их совершения, их юридическая квалификация и ссылки на соответствующие правовые положения, в том числе относительно исчисления сроков давности, должны быть указаны как можно точнее;

в) копией соответствующих законодательных актов или в тех случаях, когда это невозможно, указанием соответствующего закона и как можно более точным описанием требуемого лица, а также любой другой информацией, которая может способствовать установлению его личности, гражданства и местонахождения.

Согласно одной из оговорок, текст которой изложен в п. 5 ст. 1 Федерального закона от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ “О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней”, в соответствии со ст. 23 Конвенции при направлении в Российскую Федерацию документов, относящихся к выдаче, требуется их заверенный перевод на русский язык.

В данном случае указанные выше требования выполнены, в том числе запрашивающим государством представлен заверенный подписью и личной печатью переводчика со ссылкой на принесенную им присягу перевод статей Уголовного кодекса Австрийской Республики, содержащих описание деяний, в совершении которых обвиняется А.

Доводы стороны защиты о различиях в переводе отдельных терминов, что создает трудности в понимании того, в чем именно обвиняется А., и влечет нарушение его права на защиту, не влияют на законность и обоснованность решения о его выдаче, поскольку деяния, в совершении которых обвиняется А., подробно описаны в постановлении об аресте, а защиту от предъявленного обвинения ему предстоит осуществлять в суде г. Вены (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 марта 2018 г. № 18-АПУ18-1).

При применении законодательства Российской Федерации суды принимают во внимание согласующееся с законодательством содержание норм международного права.

Судебная коллегия по уголовным делам Алтайского краевого суда оставила приговор Октябрьского рай-

онного суда г. Барнаула от 9 июня 2020 г. в отношении Г. без изменения, указав при этом, что согласно ч. 5 ст. 73 УК РФ суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей, в том числе — не менять постоянного места жительства без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению.

Отвечая на доводы жалобы осужденного о необходимости исключения возложенных на него обязанностей периодически (2 раза в месяц) являться для регистрации в специализированный государственный орган, осуществляющий контроль за поведением условно осужденного, в дни, установленные указанным органом, и не покидать место постоянного проживания с 22 до 06 часов, суд обратил внимание на следующее: возложение указанных обязанностей в полной мере согласуется в том числе с положениями п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. и п. 3 ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанного 16 сентября 1963 г., в силу которых каждый человек при осуществлении своих прав и свобод может быть подвергнут только таким ограничениям, какие предусмотрены законом и необходимы в интересах обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц, защиты морали, общественного порядка и предотвращения преступлений. В этой связи указанные выше доводы нельзя признать обоснованными (определение Судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда от 14 августа 2020 г.).

Суд отказывает в удовлетворении ходатайства о проведении следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав человека, если будет установлено, что такие действия в обстоятельствах дела не являлись необходимыми (пропорциональными, соразмерными преследуемой социально-значимой цели)¹.

В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Согласно п. 5 постановления Пленума от 27 июня 2013 г. № 21 под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод.

¹ В 2017 году в Верховном Суде РФ было подготовлено Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, а также позиций, выработанных в рамках специальных процедур Совета ООН по правам человека “Защита права лица на беспрепятственное пользование имуществом, права лица на уважение частной (личной), семейной жизни и жилища, в том числе в аспекте обеспечения тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права лица не подвергаться дискриминации в рамках уголовного судопроизводства” (официальный сайт Верховного Суда РФ, подраздел “Международная практика” за 2017 год раздела “Документы”. Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/26335/).

При этом в силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Некоторые права и свободы человека, гарантируемые Конвенцией и Протоколами к ней, не могут быть ограничены ни при каких условиях (право не подвергаться пыткам и другие).

Европейский Суд неоднократно отмечал, что "...обыски в домах или офисах адвокатов должны быть предметом особенно строгого контроля... Чтобы определить, были ли меры "необходимыми в демократическом обществе", Суд должен выяснить, существовали ли в национальном законодательстве эффективные гарантии защиты от злоупотреблений или произвола и как эти гарантии действовали в конкретных рассматриваемых делах. В этой связи следует принимать во внимание такие элементы, как тяжесть преступления, в связи с которым были произведены обыск и изъятие, были ли они произведены на основании постановления, вынесенного судьей или судебным должностным лицом, или были оценены судом постфактум, было ли постановление основано на разумных подозрениях, и был ли объем этих мер разумно ограничен. Суд также должен рассмотреть способ проведения обыска, в том числе (в отношении офиса адвоката) проводился ли он в присутствии независимого наблюдателя и имелись ли другие специальные гарантии для обеспечения того, чтобы не были изъятые материалы, на которые распространяется привилегия на сохранение адвокатской тайны. Наконец, Суд должен принять во внимание степень возможных последствий для работы и репутации лиц, затронутых обыском" (например, п. 125 постановления от 4 февраля 2020 г. по делу "Круглов и другие против Российской Федерации").

Суд Ямало-Ненецкого автономного округа отменил постановление Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа, которым было удовлетворено ходатайство следователя о разрешении осмотра персонального компьютера адвоката О., сославшись в своем решении на правовые позиции Европейского Суда.

Суд отметил следующее. В деле "Колесниченко против Российской Федерации" Европейский Суд усмотрел нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод в том, что судом следственному органу было разрешено провести обыски в жилище и конторе адвоката; во время этого обыска не соблюдались гарантии защиты от вмешательства в профессиональные секреты, в результате обыска эти секреты были затронуты в степени, не соразмерной какой бы то ни было преследуемой цели. Исходя из того, что вмешательство в профессиональные секреты может иметь отрицательные последствия для надлежащего отправления правосудия и, следовательно, для прав, гарантированных ст. 6 Конвенции, Европейский Суд пришел к выводу, что проведение обыска в жилище и конторе адвоката без достаточных к тому оснований и при отсутствии гарантий защиты от вмешательства в профессиональные секреты адвоката (который не подозревался в совершении какого-либо преступления, а являлся защитником обвиняемого по уголовному делу) не являлось необходимым. Этот вывод был подтвержден Европейским Судом в ряде других его постановлений, в том числе в постановлении от 12 февраля 2015 г. по делу "Юдицкая и другие против Российской Федерации".

Таким образом, по мнению суда апелляционной инстанции, производство разрешенного судом обыска в отношении адвоката предполагало необходимость конкретизации в соответствующем судебном решении описываемого объекта (предмета, документа), что позволило бы исключить необоснованное исследование (обследование), изъятие (копирование) предметов, документов, материалов, не указанных в судебном решении, в частности, содержащихся в материалах адвокатского производства, ведущегося (сформированного) адвокатом по делам других его клиентов, при том, что правомерный характер образования (формирования) таких материалов презюмируется.

Указанные гарантии, с точки зрения суда, направлены на недопущение явной несоразмерности принимаемых для расследования мер назначению уголовного судопроизводства, нарушения баланса между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, обеспечение достижения цели гарантии более эффективной защиты субъективных гражданских прав и скорейшего доступа к правосудию.

Однако, как усматривалось из материалов дела, ни следователь в своем ходатайстве, ни суд в обжалуемом постановлении не привели в обоснование своих позиций каких-либо фактических обстоятельств, позволивших им прийти к выводу о наличии между адвокатом О. и ее доверителем Д. отношений, которые выходили бы за рамки оказания профессиональной юридической помощи. Одной лишь убежденности следствия, не основанной на фактах, недостаточно для разрешения проведения следственных действий, ставящих под угрозу гарантируемые Конституцией Российской Федерации презумпцию невиновности и право на защиту (постановление суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 4 июля 2016 г.).

При применении законодательства Российской Федерации суды учитывают правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека, в том числе Европейским Судом по правам человека, юрисдикцию которых признает Российская Федерация.

В абз. 1 п. 3 постановления Пленума от 27 июня 2013 г. № 21 содержится разъяснение, в соответствии с которым правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней.

Постановлением 1-го Западного окружного военного суда приговор Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда в отношении М. в части решения по гражданскому иску Г. о взыскании с М. в пользу потерпевшего денежной компенсации причиненного ему морального вреда отменен; гражданский иск направлен для рассмотрения в Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд в порядке гражданского судопроизводства.

Судом апелляционной инстанции установлено, что в ходе предварительного следствия вопросы, имеющие отношение к характеру нравственных страданий потерпевшего Г., не выяснялись, иск представителем потерпевшего был заявлен в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции, потерпевший Г. ни в суд первой инстанции, ни в суд апелляционной инстанции прибыть не пожелал, доказательств размера причиненного ему вреда суду не представил, а суд такие доказательства по своей инициативе или инициативе иных участников процесса не истребовал и не исследовал.

В качестве аргументов в подтверждение своих выводов о необходимости отмены приговора в части решения вопроса по гражданскому иску суд апелляционной инстанции сослался в том числе на правовые позиции Европейского Суда, изложенные в постановлении от

18 марта 2010 г. по делу “Максимов против Российской Федерации”, согласно которым “задача расчета размера компенсации является сложной. Она особенно трудна в деле, предметом которого является личное страдание, физическое или нравственное. Не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску. Национальные суды всегда должны в своих решениях приводить достаточные мотивы, оправдывающие ту или иную сумму компенсации морального вреда, присуждаемую заявителю. В противном случае отсутствие мотивов, например, несоизмерно малой суммы компенсации, присужденной заявителю, будет свидетельствовать о том, что суды не рассмотрели надлежащим образом требования заявителя и не смогли действовать в соответствии с принципом адекватного и эффективного устранения нарушения” (постановление 1-го Западного окружного военного суда от 20 августа 2020 г.).

При применении норм международного права судами учитывается практика толкования этих норм, осуществленная межгосударственными органами по защите прав и свобод человека по делам, которые были ими рассмотрены в отношении как Российской Федерации, так и третьих государств.

Пунктом 11 постановления Пленума от 10 октября 2003 г. № 5 судам разъяснено, что толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией (раздел 3; ст.ст. 31—33).

Согласно подп. “б” п. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”). Поэтому применение судами вышеуказанной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В абз. 2 п. 2 постановления Пленума от 27 июня 2013 г. № 21 содержится разъяснение, согласно которому с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях (приняты в отношении других государств — участников Конвенции). При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда.

Постановлением Краснодарского краевого суда от 23 мая 2018 г. оставлена без удовлетворения жалоба адвоката в защиту интересов А. на постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче А. правоохранительным органам Республики Казахстан для привлечения к уголовной ответственности за мошенничество по п. 2 ч. 4 ст. 193 УК Республики Казахстан.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без удовлетворения апелляционные жалобы А. и его адвоката, обратив внимание на следующее.

В соответствии со ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, в толковании Комитета ООН по правам человека, ст. 3 Конвенции про-

тив пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. лицо не подлежит выдаче в случае, если имеются серьезные основания полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто пыткам, бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Согласно ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в толковании Комитета ООН против пыток, при оценке наличия или отсутствия обстоятельств, свидетельствующих о том, что к лицу могут быть применены пытки, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, суду необходимо принимать во внимание как общую ситуацию, касающуюся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, так и конкретные обстоятельства дела, которые в своей совокупности могут свидетельствовать о наличии или об отсутствии серьезных оснований полагать, что лицо может быть подвергнуто вышеупомянутому обращению или наказанию.

В связи с этим судами могут учитываться, например, показания лица, в отношении которого принято решение о выдаче, свидетелей, заключение МИД России о ситуации с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве, гарантии запрашивающего государства, а также доклады и иные документы, принятые в отношении такого государства международными внедоговорными и договорными органами.

Кроме того, следует учесть, что оценка общей ситуации, касающейся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, которая была дана международными внедоговорными и договорными органами, с течением времени может меняться.

С учетом изложенного выше суд первой инстанции правомерно сослался на постановления Европейского Суда по правам человека, который для оценки угрозы запрещенного обращения применяет так называемый принцип предсказуемых последствий, когда в расчет берется риск возможного жестокого обращения с лицом в принимающем государстве, учитывая общую обстановку в указанном государстве и личные обстоятельства заявителя.

Как указывал Европейский Суд, в принципе именно заявитель должен представить убедительные доказательства того, что существуют серьезные основания полагать — в случае применения оспариваемой меры он подвергнется реальной опасности пострадать от обращения, противоречащего ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В то же время одна лишь возможность жестокого обращения по причине нестабильной ситуации в запрашивающем государстве сама по себе не вызывает нарушения ст. 3 Конвенции.

Европейский Суд неоднократно отмечал, что, несмотря на указание в международных докладах на серьезные проблемы в отношении прав человека в Республике Казахстан, нет оснований полагать, что данная ситуация является достаточно безнадежной, чтобы призвать к полному запрету экстрадиции в данное государство. При этом Судебная коллегия сослалась на постановления Европейского Суда по делам: “Шарипов против Российской Федерации” от 11 октября 2011 г.; “Ефимова против Российской Федерации” от 19 февраля 2013 г.; “Ошлаков против Российской Федерации” от 3 апреля 2014 г.

По мнению Судебной коллегии, судом первой инстанции правильно учтено, что А. обвиняется в совершении общеуголовного преступления, которое не является политически или религиозно мотивированным. Каких-либо личных обстоятельств, подтверждающих ее опасения относительно ненадлежащего обращения со

стороны властей Республики Казахстан, судом не установлено и в жалобах не приведено. Утверждения А. о напряженной политической обстановке в Казахстане, о притеснении русскоязычного населения рассматривались судом первой инстанции, который обоснованно их отверг, указав, что данные утверждения имеют слишком общий характер и не могут рассматриваться как свидетельствующие о каком-либо особом риске для А., следующем из ее конкретной ситуации.

Судом первой инстанции обоснованно учтены гарантии соблюдения прав А. в случае ее выдачи, данные Генеральной прокуратурой Республики Казахстан, которая гарантировала, что в соответствии с нормами международного права А. будут предоставлены все возможности для защиты, в том числе помощь адвокатов, а в случае необходимости будут предоставлены также надлежащая медицинская помощь и лечение; она не будет подвергаться пыткам, жестоким, бесчеловечным, унижающим достоинство видам обращения или наказания. Также в требовании о выдаче Республики Казахстан было отмечено, что уголовное преследование А. не носит политического характера и какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, убеждений и отношения к религии она не подвергнется. За деяния, инкриминируемые А., уголовным законодательством Республики Казахстан смертная казнь не предусмотрена.

В связи с доводами А. о возможном ненадлежащем обращении на территории Республики Казахстан Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ были проверены предоставленные Генеральной прокуратурой Республики Казахстан гарантии соблюдения ее прав с учетом определенных в практике Европейского Суда критериев — правомочности их предоставления, наличия механизмов контроля и сложившейся практики их выполнения.

Как было установлено Судебной коллегией, в настоящее время сложилась положительная практика применения гарантий, данных Генеральной прокуратурой Республики Казахстан; сведений о нарушении ранее данных гарантий такого рода по аналогичным делам у Судебной коллегии не имелось.

Кроме того, Судебная коллегия отметила, что после передачи выданного лица запрашивающему государству российские дипломатические представители в Республике Казахстан не лишены возможности по обращению Генеральной прокуратуры РФ и во взаимодействии с компетентными органами иностранного государства осуществлять проверку соблюдения прав А. и условий ее содержания под стражей, в том числе посещать ее в следственном и исправительном учреждениях в случае осуждения к лишению свободы.

Указанные выше меры отвечают позициям Европейского Суда по правам человека по вопросу соблюдения прав лиц, выданных по запросам государств Центральной Азии, согласно которым простых ссылок на дипломатические гарантии, а также членство государства в международных структурах, запрещающих пытки, недостаточно, необходим контроль за соблюдением гарантий, предоставленных иностранным государством, по недопущению ненадлежащего обращения и обеспечению прав выданного лица на справедливое правосудие.

Конвенция о правовой помощи от 22 января 1993 г., на основании которой осуществлена выдача А., предусматривает в качестве одного из элементов механизма контроля за соблюдением прав выданного лица обязанность государств — участников данного договора сообщать друг другу о результатах производства по уголовному делу против выданного им лица; по просьбе также высылаются копия окончательного решения.

С учетом изложенного выше, включая государственные гарантии соблюдения прав выданного лица, предоставленные уполномоченным иностранным органом, механизм контроля над их соблюдением, а также положительную практику их выполнения, Судебная коллегия пришла к выводу о том, что существует надежный правовой механизм обеспечения прав А. в связи с ее выдачей в Республику Казахстан (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 18-АП/18-11).

При рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних суды руководствуются общепризнанными нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних¹.

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 “О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних” (в редакции от 29 ноября 2016 г.) при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних судам наряду с соблюдением уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации надлежит учитывать положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 года), Конвенции о правах ребенка (1989 года), Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил) (1985 года), Миланского плана действий и Руководящих принципов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (1985 года), Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципов) (1990 года). Также подлежат учету и другие официальные документы, например Рекомендации № Res (2003) 20 Комитета Министров Совета Европы государств-членов о новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних. При этом если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством Российской Федерации, судам в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 1 УПК РФ² надлежит применять правила международного договора.

Приговором Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 23 июня 2016 г. Д. и Е. признаны виновными в покушении на сбыт психотропных веществ в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору, при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от них обстоятельствам.

¹В 2018 году в Верховном Суде РФ было подготовлено Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу (*официальный сайт Верховного Суда РФ, подраздел “Международная практика” за 2018 год раздела “Документы”. Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/27093/*).

²Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 419-ФЗ “О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” ч. 3 ст. 1 УПК РФ дополнена предложениями следующего содержания: “Не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом”.

Оставляя без изменения указанный приговор, судебная коллегия по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда обратила внимание на необоснованность довода адвоката о незаконности проведения по делу закрытого судебного разбирательства, сославшись на правило 8.1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятых 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. В силу этого правила «право несовершеннолетнего на конфиденциальность должно уважаться на всех этапах, чтобы избежать причинения ей или ему вреда из-за ненужной гласности или из-за ущерба репутации».

Судебная коллегия отметила, что в соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующие уголовное судопроизводство.

Осужденный Е. совершил инкриминируемые преступления в несовершеннолетнем возрасте, ввиду чего суд первой инстанции с целью обеспечения конфиденциальности информации о нем правомерно назначил и рассмотрел настоящее дело в режиме закрытого судебного разбирательства, сославшись на упомянутые выше Пекинские правила.

Данное решение суда, по мнению судебной коллегии, не нарушило и не ограничило прав участников уголовного судопроизводства, которые реализовывали свои права таким же образом, как и при открытом судебном разбирательстве (определение судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 26 октября 2016 г.).

Применение норм международного права в сфере уголовно-правовых отношений

При назначении наказания суды учитывают согласующееся с уголовным законодательством Российской Федерации содержание норм международного права.

По приговору Новомосковского городского суда Тульской области от 6 марта 2017 г. П. осуждена по ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК РФ к лишению свободы на срок три года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. На основании ч. 1 ст. 82 УК РФ реальное отбывание наказания П. отсрочено до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Тульского областного суда от 14 июня 2017 г. приговор в отношении П. изменен, в том числе отменено решение о применении к П. в соответствии со ст. 82 УК РФ отсрочки реального отбывания наказания в виде лишения свободы до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Президиум Тульского областного суда, частично удовлетворив кассационную жалобу адвоката в защиту осужденной П., отменил апелляционное определение, а уголовное дело в отношении П. передал на новое апелляционное рассмотрение.

При этом суд кассационной инстанции сослался на положения ч. 1 ст. 82 УК РФ о том, что женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Внимание было обращено на то, что такое законодательное урегулирование соотносится с требованиями международных актов. Как было отмечено судом кассационной инстанции, принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 65/229 от 21 декабря 2010 г. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лише-

нием свободы (Бангкокские правила), рекомендуют по мере возможности и целесообразности отдавать предпочтение наказанию беременных женщин и женщин с детьми на иждивении, не связанному с лишением свободы. Причем этот вопрос о назначении наказания, связанного с лишением свободы, рассматривается в том случае, если преступление является тяжким или насильственным или если женщина представляет постоянную опасность для общества, с учетом наилучшего обеспечения интересов ребенка или детей и организации надлежащего ухода за такими детьми (постановление президиума Тульского областного суда от 19 июня 2018 г.).

При рассмотрении ходатайств об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного суды учитывают правовые позиции Европейского Суда.

Верховный суд Удмуртской Республики, отменив постановление Индустриального районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики, которым удовлетворено ходатайство осужденного Ш. об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью, в обоснование принятого решения сослался на постановление Европейского Суда от 5 февраля 2013 г. по делу «Бубнов против Российской Федерации», где была изложена позиция, согласно которой ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не дает заключенному право на освобождение по состоянию его здоровья, если власти принимают адекватные меры по оказанию требуемой такому лицу медицинской помощи, а равно имеется эффективное реагирование властей на любые негативные изменения.

Верховным судом Удмуртской Республики было установлено, что осужденный Ш. с самого начала отбывания наказания состоял на учете в лечебном учреждении ФСИН России. Осужденный не раз отказывался от предлагаемой ему госпитализации, выборочно принимал назначенные ему лекарственные препараты. Соответственно, у суда апелляционной инстанции не имелось оснований утверждать, что по отношению к Ш. не принимались адекватные меры по оказанию медицинской помощи. Во время рассмотрения дела осужденный находился на стационарном лечении по поводу туберкулеза (постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 22 февраля 2018 г.).

Применение норм международного права в сфере уголовно-процессуальных отношений

При определении меры пресечения, которую, исходя из обстоятельств дела, необходимо избрать в отношении подозреваемого и обвиняемого, суды учитывают положения ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующие право лица на свободу и личную неприкосновенность¹.

¹В 2020 году в Верховном Суде РФ было подготовлено Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании суда (за период с 1 января 2008 г. по 31 января 2020 г.) (*официальный сайт Верховного Суда РФ, подраздел «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы»*). Режим доступа: URL: http://www.vsrj.ru/documents/international_practice/28713/.

Ранее в суды направлялось Обобщение практики и правовых позиций Европейского Суда по правам человека, касающихся применения п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (в части обеспечения права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей) (2008—2015 гг.), а также Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании суда (за период с 1 января 2008 г. по 30 ноября 2017 г.).

Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 *“О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий”* (в редакции от 11 июня 2020 г. № 7) при принятии решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока ее действия судам необходимо обеспечивать соблюдение прав подозреваемого, обвиняемого, гарантированных ст. 22 Конституции Российской Федерации и вытекающих из ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Изменяя в апелляционном порядке меру пресечения в виде домашнего ареста, избранную в отношении С. и Ц., на меру пресечения в виде запрета определенных действий, Челябинский областной суд обратил внимание на пп. 3 и 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в интерпретации Европейского Суда, распространяющего указанные в этой статье Конвенции положения и на домашний арест, в частности, на право каждого, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу или на освобождение до суда. При этом такое освобождение не является безусловным и может быть обусловлено предоставлением гарантий явки обвиняемого в суд и следственные органы.

Преследуя цель соблюдения баланса между публичными интересами, выраженными в необходимости применения к обвиняемому в совершении тяжкого преступления меры процессуального принуждения, и ценностью права на личную свободу, суд счел, что такими гарантиями в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации применительно к обвиняемым С. и Ц. является мера пресечения в виде запрета определенных действий с возложением установленных в рамках закона запретов, выступающая в качестве более мягкой меры пресечения относительно домашнего ареста.

При этом, как следует из ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, должна обеспечиваться соразмерность ограничений и запретов, связанных с избранной мерой пресечения, тяжести инкриминируемых преступлений, личности обвиняемого и его поведению в период производства по делу, а также наказанию, которое в случае признания виновным в совершении преступления может быть назначено и может подлежать реальному отбытию (постановление Челябинского областного суда от 11 ноября 2020 г.).

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а равно при продлении срока ее действия суды учитывают положения ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также правовые позиции, сформулированные Европейским Судом по правам человека при толковании указанной статьи Конвенции.

Постановлением Верховного суда Удмуртской Республики от 28 декабря 2015 г. оставлено без удовлетворения ходатайство следователя о продлении срока содержания С. под стражей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Удмуртской Республики, оставив без изменения указанное постановление суда, учла правовые позиции Европейского Суда, согласно которым тяжесть предъявленного обвинения не может быть единственным и достаточным основанием для оправдания длительных сроков содержания обвиняемого под стражей; аргумент о совершении преступления обвиняемым в группе лиц сам по себе недостаточен для оправдания длительных периодов содержания его под стражей. Его личные обстоятельства и поведение всегда должны приниматься во внимание. В частности, следует исследовать вопрос о том, пытался ли обвиняемый угрожать свидетелям или препятствовать производству по уголовному делу любым иным способом. Судебная коллегия сослалась на

постановления Европейского Суда по делам “Панченко против Российской Федерации” и “Алексей Макаров против Российской Федерации”.

Судебной коллегией отмечено, что органы предварительного расследования не представили суду никаких конкретных данных, позволяющих опасаться злоупотребления обвиняемым С. своим должностным положением для совершения действий, направленных на фальсификацию или уничтожение доказательств или давление на свидетелей. Ссылки на должностное положение обвиняемого, по мнению коллегии, недостаточно. Доводы о необходимости проведения следственных действий с участием обвиняемого не могут оправдывать его содержание под стражей. Суду первой инстанции также не было представлено доказательств, подтверждающих, что С. скрывался от органов расследования. Постановление о розыске обвиняемого не является достаточным для вывода о том, что С. знал о его розыске и умышленно скрывался от органов расследования. Обстоятельства, на основании которых продлена мера пресечения в виде заключения под стражу, отметил суд, должны быть подтверждены стороной обвинения конкретными и развернуто изложенными доказательствами. По мнению судебной коллегии, суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о возможности изменения обвиняемому С. меры пресечения на домашний арест (определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Удмуртской Республики от 21 января 2016 г.).

Постановлением Псковского районного суда Псковской области от 25 июля 2017 г. в отношении Л. продлен срок содержания под стражей.

Псковский областной суд изменил меру пресечения на домашний арест. При этом судом апелляционной инстанции было отмечено, что длительное содержание гражданина под стражей без достаточных и относимых к тому оснований свидетельствует о нарушении п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (постановление Псковского областного суда от 10 августа 2017 г.).

По постановлению Верховного суда Республики Бурятия от 30 января 2020 г. ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении М. оставлено без удовлетворения.

При этом суд сослался на положения подп. “с” п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которому каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения.

Суд также сослался на правовые позиции Европейского Суда, интерпретирующие приведенные конвенционные положения. В частности, внимание было обращено на то, что наличие обоснованного подозрения в совершении лицом преступления, тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы могут служить основанием для заключения подозреваемого под стражу ввиду того, что лицо может скрыться, препятствовать производству по делу. Однако по истечении времени эти обстоятельства перестают быть достаточными для продления срока содержания под стражей.

Суд принял во внимание результаты расследования, сведения о личности обвиняемого, отсутствие данных, обосновывающих доводы о том, что он, находясь на свободе, может оказать давление на участников уголовного судопроизводства, иным образом воспрепятство-

вать производству по уголовному делу. Собранным по уголовному делу доказательствам дана оценка в предъявленном лицу обвинительном заключении. Расследование дела не представляло особой правовой и фактической сложности, по делу не проводилось экспертиз, требовавших для их производства длительного времени, а также проведения допроса очевидцев и участников совершенных преступлений. Обвиняемые не отрицали свою вину. С августа по декабрь 2019 г. следственные действия по уголовному делу фактически не производились.

При таких обстоятельствах, по мнению суда, доводы следственного органа о том, что предварительное расследование не закончено в срок по уважительным причинам, нельзя признать обоснованными.

Суд, возлагая на осужденного исполнение обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ, должен учитывать фактическую возможность исполнения такого решения с учетом требований закона и международного договора Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 392 УПК РФ вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Ввиду этого при изложении судебного решения необходимо учитывать, что такое решение должно быть исполнимым в соответствии с законодательством Российской Федерации и/или нормами международного права.

Постановлением Урицкого районного суда Орловской области от 29 ноября 2016 г. осужденный Т., гражданин Республики Таджикистан, освобожден от отбывания наказания в виде лишения свободы условно-досрочно. При этом на осужденного Т. в силу ч. 5 ст. 73 УК РФ возложена обязанность на период неотбытой части наказания, которая составила 4 месяца и 23 дня, не менять постоянного места жительства без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего исправление осужденного.

Суд апелляционной инстанции изменил указанное выше постановление, исключил из его резолютивной части указание о возложении на осужденного обязанности не менять постоянного места жительства без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего исправление осужденного, обратив внимание в том числе на то, что Минюстом России принято распоряжение о признании нежелательным пребывания Т. в Российской Федерации; в настоящее время нормы международного права, являющиеся обязательными для Российской Федерации и Республики Таджикистан, не предусматривают возможности признать и исполнить на территории Республики Таджикистан решение суда Российской Федерации в части осуществления контроля за поведением лиц, осужденных судом Российской Федерации (постановление Орловского областного суда от 21 февраля 2017 г.).

При рассмотрении вопроса о возобновлении производства по уголовному делу, приостановленному ввиду того, что подсудимый скрылся, суд учитывает реальную возможность участия подсудимого в судебном разбирательстве, гарантированную ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В силу ч. 1 ст. 247 УПК РФ судебное разбирательство уголовного дела проводится при обязательном участии подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных чч. 4 и 5 указанной статьи.

Европейский Суд неоднократно подчеркивал: из самого понятия "справедливое судебное разбирательство" следует, что лицо, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, должно согласно общему принципу

иметь право присутствовать и эффективно участвовать в разбирательстве по делу в суде первой инстанции (например, п. 106 постановления от 20 октября 2005 г. по делу "Романов против России").

Как отмечает Комитет ООН по правам человека, подп. "d" п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, чтобы лицам, обвиняемым в уголовном преступлении, было предоставлено право быть судимыми в их присутствии. Судебные разбирательства в отсутствие обвиняемых могут быть при некоторых обстоятельствах допустимыми в интересах надлежащего отправления правосудия, например, в тех случаях, когда обвиняемые, хотя и уведомленные о судебном разбирательстве достаточно заблаговременно, отказываются осуществлять свое право быть судимыми в их присутствии.

Таким образом, подобные судебные разбирательства совместимы с подп. "d" п. 3 ст. 14 указанного Международного пакта, только если предпринимаются необходимые шаги по своевременному вызову обвиняемых в суд и заблаговременному их информированию относительно даты и места суда и с требованием присутствовать (например, п. 36 Замечания общего порядка № 32. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство. Принято Комитетом по правам человека на его 90-й сессии (9—27 июля 2007 г.). ССРР/С/ГД/32).

Постановлением Заводского районного суда г. Орла от 2 октября 2017 г. отказано в удовлетворении ходатайства потерпевших о возобновлении производства по уголовному делу в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных чч. 3, 4 ст. 159 УК РФ.

В суде апелляционной инстанции потерпевшими представлены сведения о том, что 27 октября 2017 г. было вынесено постановление об объявлении Ш. в международный розыск и направлен запрос в группу НЦБ Интерпола УМВД России по Орловской области.

Суд апелляционной инстанции, согласившись с позицией суда первой инстанции, указал, что по делу не усматривалось наличие обстоятельств, предусмотренных чч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ, для рассмотрения уголовного дела в отношении Ш. в его отсутствие.

Принимая во внимание положения ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающих право обвиняемого на личное участие в судебном разбирательстве, суд апелляционной инстанции оставил без изменения решение суда первой инстанции (постановление Орловского областного суда от 22 ноября 2017 г.).

Допустимость доказательств по уголовному делу определяется положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что в его обязанности в принципе не входит решение вопроса о допустимости определенных видов доказательств, например, о допустимости доказательств, полученных, с точки зрения национального законодательства, незаконно, или вопроса о виновности или невиновности заявителя. Вопрос, на который Суд должен дать ответ, заключается в том, являлось ли производство, в ходе которого были получены данные доказательства, справедливым в целом. При решении вопроса о справедливости производства необходимо учитывать соблюдение или несоблюдение прав стороны защиты. В частности, необходимо установить, была ли заявителю предоставлена возможность оспорить достоверность доказательств и их использование. Кроме того, следует принять во внимание вопрос качества доказательств и рассмотреть при этом вопрос наличия или отсутствия оснований сомневаться в их достоверности или точности с учетом обстоятельств, при которых они были собраны. Отсутствие каких-либо материалов, под-

тверждающих собранные доказательства, не обязательно означает, что производство было несправедливым. При наличии убедительных доказательств, полученных в обстоятельствах, которые исключают какие-либо сомнения в их достоверности, представление подтверждающих доказательств не столь обязательно (например, п. 57 постановления от 7 ноября 2017 г. по делу “Константин Москалев против Российской Федерации”).

Схожую позицию занимают и международные договорные органы, действующие в рамках ООН. Так, Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации отмечает, что в его компетенцию не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии (например, п. 7.5 Мнения Комитета по ликвидации расовой дискриминации от 5 декабря 2016 г. по делу “Бенон Пьетри против Швейцарии”).

Согласно ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ “Об оперативно-розыскной деятельности” (в ред. Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ) органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация).

В п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами” (в редакции от 30 июня 2015 г. № 30) предусматривается, что в тех случаях, когда материалы уголовного дела о преступлении рассматриваемой категории содержат доказательства, полученные на основании результатов оперативно-розыскного мероприятия, судам следует иметь в виду, что для признания законности проведения такого мероприятия необходимо, чтобы оно осуществлялось для решения задач, определенных в ст. 2 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”, при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных соответственно ст.ст. 7 и 8 указанного Федерального закона. Исходя из этих норм, в частности, оперативно-розыскное мероприятие, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния.

Европейский Суд отмечал, что видит сложности, с которыми сталкиваются органы государственной власти в борьбе с тяжкими преступлениями, и необходимость в более усовершенствованных методах расследования, которые иногда требуются в этом контексте. В принципе прецедентная практика Европейского Суда не запрещает ссылаться — на стадии расследования уголовного дела и в случае, если позволяет характер преступного деяния, — на доказательства, полученные в результате проведения сотрудниками органов внутренних дел операции под прикрытием. Однако “применение агентов под прикрытием должно быть ограничено; сотрудники милиции могут действовать тайно, но не заниматься подстрекательством” (например, п. 128 постановления от 26 октября 2006 г. по делу “Худобин против Российской Федерации”).

При этом, по мнению Европейского Суда, в делах, главные доказательства по которым были получены в ходе оперативного эксперимента, власти должны доказывать наличие веских причин для его проведения. Они должны найти конкретные и объективные доказатель-

ства начала действий в составе преступления, за которое заявитель впоследствии был привлечен к ответственности. Суд подчеркивает необходимость проверки любых данных, на которые опираются власти, и то, что использование доказательств, полученных в результате провокации, нельзя оправдать государственными интересами, поскольку в противном случае обвиняемый может изначально полностью лишиться права на справедливое судебное разбирательство (п. 52 постановления от 30 октября 2014 г. по делу “Носко и Нефедов против Российской Федерации”)¹.

По приговору Магаданского областного суда от 6 апреля 2015 г., постановленному с участием присяжных заседателей, К. осужден к лишению свободы по п. “б” ч. 4 ст. 229¹ и ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 228 УК РФ.

В апелляционных жалобах осужденный К. и защитник в интересах осужденного К. просили отменить приговор. По мнению защитника, судом допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, выразившееся в том, что присяжным заседателям было представлено недопустимое доказательство — материалы, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками регионального управления ФСБ России, в нарушение ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ввиду совершенного акта провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения, апелляционную жалобу без удовлетворения, обратив внимание на следующее.

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующая право на справедливое судебное разбирательство, в толковании Европейского Суда, запрещает использовать доказательства, полученные незаконным путем, в том числе — в результате провокации или подстрекательства со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Европейский Суд признал, что использование особых следственных методов — в частности, агентурных методов, — само по себе не нарушает права на справедливое судебное разбирательство. Однако ввиду риска подстрекательства со стороны полиции при использовании таких методов их использование должно быть ограничено четкими рамками. В связи с этим Суд указал, что полиция вправе действовать под прикрытием, но не подстрекать к преступлению.

Европейский Суд определил подстрекательство (в противоположность законному расследованию под прикрытием) как ситуацию, когда сотрудники полиции либо сил безопасности или иные лица, действующие на основании переданных им указаний, не ограничиваются только расследованием уголовных деяний преимущественно в пассивной форме, но оказывают влияние на субъект с целью спровоцировать совершение правонарушения, которое не могло быть совершено в противном случае, с целью установить возможность совершения правонарушения и, таким образом, предоставить доказательства и начать уголовное преследование.

¹ В 2021 году Верховным Судом РФ было подготовлено Обобщение практики и правовых позиций Европейского Суда по правам человека по делам, где рассматривался вопрос о предполагаемом нарушении Российской Федерацией п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года в связи с совершением заявителями преступлений вследствие подстрекательства со стороны сотрудников правоохранительных органов (актуализированное по состоянию на 1 ноября 2021 г.) (официальный сайт Верховного Суда РФ, подраздел “Международная практика” за 2021 год раздела “Документы”. Режим доступа: URL: http://www.vsrj.ru/documents/international_practice/30515/).

При решении вопроса о том, было ли расследование “по существу пассивным”, Европейский Суд рассматривает причины проведения операции под прикрытием и поведение органов власти, проводящих ее. В частности, Суд определяет, имелись ли объективные подозрения, что заявитель принимал участие в преступной деятельности или был склонен к совершению уголовного правонарушения. При этой оценке Суд принимает во внимание ряд факторов. Например, в постановлении по делу “Тейшейра де Кастро против Португалии”, на которое сослался автор жалобы, Суд, принимая решение о наличии провокации, учел *inter alia* тот факт, что заявитель не имел ранее судимостей и именно полиция инициировала совершение преступления, а не “присоединилась” к уже совершаемому деянию, как это имело место в деле “С. против Португалии”.

Судебная коллегия отметила, что фактические обстоятельства рассматриваемого уголовного дела существенно отличаются от имеющихся в деле “Тейшейра де Кастро против Португалии”, рассмотренном Европейским Судом, поэтому ссылка на данное решение является необоснованной.

Судебной коллегией были применены в данном деле критерии оценки законности получения доказательств, выработанные Европейским Судом при рассмотрении жалоб на провокацию следственных органов. Так, в постановлении по делу “Лагутин и другие против Российской Федерации” от 24 апреля 2014 г. Европейский Суд обратил особое внимание на роль российских судов в рассмотрении тех уголовных дел, в которых обвиняемые заявляют о подстрекательстве к совершению преступлений. Европейский Суд в постановлении отметил, что суды обязаны рассматривать любое спорное заявление о провокации согласно требованиям о справедливом судебном разбирательстве. Соответствующая процедура должна быть основана на принципе состязательности и быть тщательной, всесторонней и окончательной в решении вопроса о провокации, при этом бремя доказывания лежит на стороне обвинения, которая должна представить доказательства отсутствия провокации. В судебном порядке должны быть проверены основания для проведения оперативно-розыскного мероприятия, степень участия полиции в совершении преступления, а также характер провокации или любого рода давления в отношении заявителя.

Учитывая вышеизложенное, изучив материалы дела, Судебная коллегия пришла к выводу о том, что судом первой инстанции проведена всесторонняя и тщательная проверка доказательств, представленных стороной обвинения, на предмет их допустимости, вывод суда об отсутствии провокации со стороны следственных органов обоснован и отвечает правовым позициям Европейского Суда.

Оспариваемое защитником постановление от 20 января 2015 г., которым отказано в удовлетворении ходатайства о признании недопустимым доказательством аудиозаписей, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий “оперативный эксперимент”, проведенных на основании постановлений от 13 и 22 марта 2013 г., проверено Судебной коллегией. Указанное постановление включает результаты проверки судом первой инстанции содержания оперативных материалов, свидетельствующих о возможной причастности К. к незаконному обороту наркотиков, а также о наличии оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Судом первой инстанции установлено, что оперативно-розыскные мероприятия “оперативный эксперимент” проведены в отношении К. на основании постановлений от 13 и 22 марта 2013 г. в рамках уголовного дела, возбужденного по факту контрабанды наркотических средств; решения об их проведении приняты уполномоченными лицами, содержат необходимую мотивировку и обоснование. Поэтому суд правомерно признал

допустимыми доказательствами материалы, полученные в результате проведения данных мероприятий.

Судом первой инстанции проверены все материалы, на которые ссылалась сторона защиты, как на доказательства провокации, и сделан обоснованный вывод о законности проведенных мероприятий и допустимости доказательств, полученных в результате их проведения.

Таким образом, по мнению Судебной коллегии, умысел на совершение преступлений сформировался у К. самостоятельно, независимо от действий сотрудников, осуществлявших оперативно-розыскную деятельность (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 93-АПУ15-1СП).

В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 “О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)” внимание судов обращено на необходимость принятия исчерпывающих мер для обеспечения участия в судебном заседании неявившегося потерпевшего или свидетеля, достигшего возраста 18 лет. Если в результате таких мер обеспечить его явку в судебное заседание не представилось возможным, то суд вправе решить вопрос об оглашении ранее данных им показаний и о воспроизведении приложенных к протоколу допроса (очной ставки) материалов записи этих показаний с согласия сторон. Для оглашения показаний в случаях неявки, указанных в ч. 2 ст. 281 УПК РФ, согласия обеих сторон не требуется.

Исходя из положений чч. 2¹, 6 ст. 281 УПК РФ и подп. “д” п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года в их взаимосвязи оглашение без согласия одной из сторон показаний неявившегося потерпевшего или свидетеля, достигшего возраста 18 лет, и о воспроизведении материалов записи его показаний, а равно оглашение без такого согласия показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля допускается при условии, что обвиняемому (подсудимому) в досудебных стадиях производства по делу была предоставлена возможность оспорить показания свидетельствующего против него лица предусмотренными законом способами.

Европейский Суд неоднократно обращал внимание на то, что власти должны принимать все разумные меры, обеспечивающие явку свидетеля для непосредственного допроса судом первой инстанции. В отношении показаний свидетелей, которые недоступны для допроса в присутствии обвиняемого или его защитника, Европейский Суд подчеркивает: “пункт 1 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктом “д” пункта 3 статьи 6 Конвенции обязывает власти государств-участников принимать позитивные меры, обеспечивающие возможность допроса свидетелей обвиняемым или его право на то, чтобы эти свидетели были допрошены. Такие меры образуют достаточную тщательность, которую государства-участники обязаны проявлять, чтобы права, гарантированные статьей 6 Конвенции, осуществлялись эффективным способом” (например, п. 36 постановления от 5 февраля 2009 г. по делу “Макеев против Российской Федерации”).

Согласно позиции Комитета ООН по правам человека, в подп. “е” п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. гарантируется право обвиняемых в уголовном преступлении лиц допрашивать показывающих против них свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и право на вызов и допрос их свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против них. В качестве варианта применения принципа равенства состязательных возможностей данная гарантия имеет важное значение для обеспечения эффективной защиты обвиняемыми и их защитниками и тем самым обвиняемым гарантируются те же самые юридические

полномочия требовать присутствия свидетелей и допрашивать или подвергать перекрестному допросу любых свидетелей, имеющих у стороны обвинения. Вместе с тем эта гарантия не предоставляет неограниченного права на привлечение к участию в процессе любого свидетеля по требованию обвиняемых или их защитников, но только лишь право на допуск свидетелей, имеющих значение для защиты, а также на предоставление надлежащей возможности опросить и оспорить заявления показывающих против них свидетелей на одной из стадий судопроизводства. В этих пределах и в зависимости от ограничений, касающихся использования заявлений, признательных показаний и других доказательств, полученных в нарушение ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, определять допустимость доказательств и то, каким образом суды оценивают их, надлежит в первую очередь внутренним законодательным органам государств-участников (например, п. 39 Замечания общего порядка № 32. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство. Принято Комитетом по правам человека на его 90-й сессии (9–27 июля 2007 г.). ССРР/С/ГД/32)¹.

По приговору Курганского городского суда Курганской области от 21 сентября 2016 г. Ш. осужден по п. “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ к трем годам шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Как усматривалось из материалов дела, в подтверждение виновности Ш. суд первой инстанции (наряду с иными доказательствами) сослался в приговоре на показания потерпевшего К., данные им в ходе предварительного расследования. Эти показания потерпевшего были оглашены по ходатайству государственного обвинителя при отсутствии согласия подсудимого и его защитника, которые возражали против их оглашения. Мотивируя решение об оглашении показаний потерпевшего К., суд первой инстанции сослался на ч. 2 ст. 281 УПК РФ, поскольку потерпевший К. являлся иностранным гражданином, который отказался явиться в судебное заседание. Очные ставки между потерпевшим К. и Ш. следователем не проводились, возможность задавать вопросы потерпевшему при производстве предварительного следствия Ш. не предоставлялась.

Сославшись на правовые позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда, президиум Курганского областного суда обратил внимание на то, что оглашение показаний, данных не явившимися в суд потерпевшим или свидетелем при производстве предварительного расследования, допускается лишь в исключительных случаях, предусмотренных законом, если обеспечена надлежащая оценка достоверности этих показаний в качестве доказательств, а у обвиняемого была возможность задать вопросы лицу, которое дает против него показания, в том числе путем проведения в ходе досудебного производства очных ставок с его участием, или оспорить достоверность его показаний на стадии досудебного производства или в предыдущих судебных стадиях разбирательства по уголовному делу. При этом сторона обвинения обязана предпринять исчерпывающие меры для обеспечения участия в судебном заседании неявившихся свидетеля или потерпевшего, включая тех, место проживания которых неизвестно или которые проживают за границей.

¹В 2016 году в Верховном Суде РФ было подготовлено Обобщение правовых позиций международных договорных органов по вопросам обеспечения права обвиняемого на защиту при оценке доказательств по уголовному делу (официальный сайт Верховного Суда РФ, подраздел “Международная практика” за 2016 год раздела “Документы”. Режим доступа: URL: http://www.vsrj.ru/documents/international_practice/26347/).

В материалах дела имелась копия адресованного председательствующему письменного заявления от имени К. о нежелании являться в суд, приобщенная по ходатайству государственного обвинителя. Однако сведений о том, каким образом этот документ оказался у государственного обвинителя и какие меры предпринимались судом для обеспечения участия К. в судебном разбирательстве, в деле не имелось.

При указанных обстоятельствах, по мнению президиума Курганского областного суда, у суда не имелось достаточных оснований для оглашения в порядке, предусмотренном п. 3 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, показаний потерпевшего К., являвшегося гражданином Республики Туркменистан, данных им при производстве по уголовному делу предварительного следствия, которые не могли быть использованы в суде стороной обвинения и положены в основу приговора.

Президиум Курганского областного суда изменил приговор Курганского городского суда от 21 сентября 2016 г.: исключил из числа приведенных в нем доказательств показания потерпевшего К. (постановление президиума Курганского областного суда от 27 ноября 2017 г.).

Под иными документами, которые допускаются в качестве доказательств согласно п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, понимаются в том числе документы, принимаемые в рамках международных межправительственных организаций, участником которых является Российская Федерация, и содержащие сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В п. 14 постановления Пленума от 14 июня 2012 г. № 11 содержатся разъяснения, в соответствии с которыми по смыслу ст.ст. 7, 15, ч. 3 ст. 463, ст. 464 УПК РФ, ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, ст.ст. 3, 11 Европейской конвенции о выдаче при рассмотрении жалобы на решение о выдаче обязанность обоснования обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии серьезных оснований полагать, что к лицу могут быть применены наказание в виде смертной казни, пытки, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, а также что лицо может подвергнуться преследованию по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям, возлагается на органы прокуратуры Российской Федерации.

Согласно ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в толковании Комитета ООН против пыток, при оценке наличия или отсутствия указанных выше обстоятельств суду необходимо принимать во внимание как общую ситуацию, касающуюся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, так и конкретные обстоятельства дела, которые в своей совокупности могут свидетельствовать о наличии или об отсутствии серьезных оснований полагать, что лицо может быть подвергнуто вышеупомянутому обращению или наказанию.

В связи с этим судами могут учитываться, например, показания лица, в отношении которого принято решение о выдаче, свидетелей, заключение МИД России о ситуации с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве, гарантии запрашивающего государства, а также доклады и иные документы, принятые в отношении такого государства международными внедоговорными (Совет по правам человека, созданный в качестве вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН) и договорными органами (Комитет ООН по правам человека, действующий на основании Международного пакта о гра-

жданских и политических правах; Комитет ООН против пыток, действующий на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, действующий во исполнение Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г. и т.д.). При этом суду следует оценить доводы лица, подлежащего выдаче, с учетом совокупности всех имеющихся доказательств.

Внимание судов обращено на то, что оценка общей ситуации, касающейся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, которая была дана международными внедоговорными и договорными органами, с течением времени может меняться.

Постановлением Красноярского краевого суда от 15 мая 2019 г. постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче С. для привлечения к уголовной ответственности за мошенничество по п. “б” ч. 3 ст. 177 УК Республики Казахстан оставлено без изменения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без удовлетворения апелляционную жалобу С. на постановление суда, отметив, что указанные С. доводы о возможности применения к нему пыток, жестокого обращения в Республике Казахстан рассматривались судом первой инстанции, который признал их необоснованными, поскольку они ничем не подтверждены. Наряду с иными исследованными документами Судебная коллегия, обосновывая свою позицию об отсутствии угрозы применения в отношении С. пыток, иного недопустимого обращения в Республике Казахстан, сослалась в качестве доказательств по делу на постановление Европейского Суда, соображения и иные документы Комитета ООН по правам человека, решения Комитета ООН против пыток.

Так, Судебная коллегия учла правовую позицию Европейского Суда, который неоднократно отмечал, что, несмотря на указание в международных документах на серьезные проблемы в отношении прав человека в Республике Казахстан, нет оснований полагать, что

данная ситуация являлась достаточно безнадёжной, чтобы призвать к полному запрету экстрадиции в данную страну, сославшись, в частности, на постановление Европейского Суда по делам: “Шарипов против Российской Федерации” от 11 октября 2011 г. (п. 35); “Ефимова против России” от 19 февраля 2013 г. (п. 200); “Ошлаков против Российской Федерации” от 3 апреля 2014 г. (п. 85). Судебной коллегией были также изучены Соображения Комитета ООН по правам человека по сообщениям “Дмитрий Тянь против Казахстана” от 16 марта 2017 г., “Жаслан Сулейменов против Казахстана” от 21 марта 2017 г., Решение Комитета против пыток от 31 июля 2017 г. по сообщению “Ашим и Дмитрий Ракишевы против Казахстана”.

Кроме того, Судебной коллегией изучены Заключительные замечания по второму периодическому докладу Республики Казахстан, принятые Комитетом ООН по правам человека на его 117 сессии (20 июня — 15 июля 2016 г.), из которых следовало, что данное государство принимает меры по улучшению ситуации с правами человека, в частности, с 1 января 2015 г. в Республике Казахстан вступили в силу новые Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс, установлена обязанность автоматически регистрировать заявления о пытках и ином жестоком обращении и расследовать их как преступления, отменен срок давности за преступления, связанные с пытками, и отменено применение амнистии к лицам, осужденным за пытки.

С учетом изложенного Судебная коллегия не усмотрела в обжалуемом постановлении нарушения положений ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2019 г. № 53-АПУ19-12).

(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
8 декабря 2021 г.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), Асташов С.В., Борисова Е.Е., Глазов Ю.В.,
Давыдов В.А., Дзыбан А.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нефедов О.Н.,
Петрова Т.А., Подносова И.Л., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В.,
Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шилохвост О.Ю.

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 31.01.2022. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,48. Тираж 7728 экз. Заказ 17-2022.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
